

АНАТОЛЬ
ФРАНС

Остров пингвинов
Восстание ангелов

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Анатолий Франс

**Остров пингвинов.
Восстание ангелов**

«Издательство АСТ»

1909, 1913

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Франс А.

Остров пингвинов. Восстание ангелов / А. Франс —
«Издательство АСТ», 1909, 1913 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-158409-2

«Остров пингвинов». Однажды резвый святой по ошибке покрестил живших на уединенном острове пингвинов. Делать нечего, пришлось обратить их в людей, дабы не порочить святое таинство. Так начинается остроумный роман «Остров пингвинов», в котором современники автора видели едкую пародию на историю Франции – от Меровингов и Средневековья до дела Дрейфуса, «общества потребления», массовой культуры, терроризма и даже Первой мировой!.. «Восстание ангелов». На небесах неспокойно. Группа ангелов-заговорщиков твердо вознамерилась свергнуть Бога и посадить на его место более им импонирующего Люцифера. К революционерам примыкает и Аркадий – ангел-хранитель, начитавшийся крамольной литературы и набравшийся из книг отчетливо анархических убеждений. Бороться с «правлящим режимом» предполагается совсем не «небесными» методами... Два гениальных сатирических романа Анатоля Франса – очень разных и одинаково ироничных и фантазмагорических.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-158409-2

© Франс А., 1909, 1913

© Издательство АСТ, 1909, 1913

Содержание

Остров пингвинов	6
Предисловие	6
Книга первая	11
Глава I	11
Глава II	11
Глава III	14
Глава IV	15
Глава V	17
Глава VI	18
Глава VII	22
Глава VIII	24
Книга вторая	26
Глава I	26
Глава II	28
Глава III	29
Глава IV	31
Глава V	32
Глава VI	33
Глава VII	35
Глава VIII	36
Глава IX	37
Глава X	38
Глава XI	40
Глава XII	41
Глава XIII	43
Книга третья	44
Глава I	44
Глава II	45
Глава III	47
Глава IV	48
Глава V	50
Глава VI	53
Глава VII	58
Книга четвертая	60
Глава I	60
Глава II	62
Глава III	64
Книга пятая	67
Глава I	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Анатолий Франс

Остров пингвинов. Восстание ангелов

© Перевод. В. Дынник, наследники, 2023

© Перевод. Н. Рыкова, наследники, 2023

© Перевод. М. Богословская, наследники, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Остров пингвинов

Предисловие

При всем разнообразии развлечений, казалось бы, занимающих меня, жизнь моя посвящена лишь одному предмету. Вся она безраздельно служит осуществлению великой задачи: я составляю историю пингвинов. И работаю упорно, несмотря на постоянно возникающие трудности, порою непреодолимые.

Я производил раскопки, извлекая из-под земли древние памятники этого народа. Камни были первыми книгами человечества. Я изучал камни, представляющие собою как бы начальную летопись пингвинов. На берегу океана мною был разрыт еще никем не тронутый древний курган; я обнаружил в нем, как это обычно бывает, каменные топоры, бронзовые мечи, римские монеты, а также монетку в двадцать су с изображением французского короля Луи Филиппа I.

Что касается времен исторических, то здесь мне оказала большую помощь летопись Иоанна Тальпы, монаха Бергардинского монастыря. Я черпал из нее обильные сведения, тем более важные, что по истории пингвинского раннего средневековья другими источниками мы до сих пор не располагаем.

Начиная с XIII века имеется уже более богатый материал – более богатый, но и более зыбкий. Писать историю – дело чрезвычайно трудное. Никогда не знаешь наверняка, как все происходило, и чем больше документов, тем больше затруднений для историка. Когда сохранилось только одно-единственное свидетельство о некоем факте, он устанавливается нами без особых колебаний. Нерешительность возникает лишь при наличии двух или более свидетельств о каком-либо событии, так как они всегда противоречат одно другому и не поддаются согласованию.

Конечно, предпочтение того или иного исторического свидетельства всем остальным покоится нередко на прочной научной основе. Но она никогда не бывает настолько прочна, чтобы противостоять нашим страстям, нашим предрассудкам и нашим интересам или препятствовать проявлениям легкомыслия, свойственного всем серьезным людям. Вот почему мы постоянно изображаем события либо пристрастно, либо слишком вольно.

О трудностях, возникавших передо мною при составлении истории пингвинов, я не раз заводил речь с археологами и палеографами – как пингвинскими, так и иностранными. Но вызывал к себе одно лишь презрение. Они смотрели на меня с сострадательной улыбкой, в которой можно было ясно прочесть: «Да разве мы, историки, пишем историю? Разве мы стремимся извлечь из текста, из документа хотя бы крупицу жизни или правды? Мы попросту, без мудрствований, издаем тексты. Мы во всем придерживаемся буквы. Только буква обладает достоверностью и определенностью. Духу эти качества недоступны: мыслить – значит фантазировать. Писать же историю могут только пустые люди: тут нужна фантазия».

Все это я читал во взгляде и в улыбке наших известных палеографов, и беседа с ними глубоко меня обескураживала. Но как-то раз, после разговора с одним из светил сигиллографии, повергшего меня в полное уныние, мне вдруг пришла в голову такая мысль: «Однако ведь существуют же историки, ведь не совсем же вывелась эта порода людей! В Академии нравственных наук их сохранилось пять-шесть. Они не издают текстов – они пишут историю. Уж они-то не скажут мне, что лишь пустые люди способны к такого рода занятиям».

И я приободрился.

На другое утро, как выражаются обычно (или наутро, как следовало бы сказать), я пошел к одному из них, человеку преклонных лет и тонкого ума.

– Милостивый государь! – сказал я ему. – Прошу вас помочь мне своим просвещенным советом. Я все силы свои полагаю на то, чтобы составить историю, но у меня ничего не выходит!

Он пожал плечами.

– Зачем же, голубчик, так утруждать себя составлением исторического труда, когда можно попросту списывать наиболее известные из имеющихся, как это принято? Ведь если вы выскажете новую точку зрения, какую-нибудь оригинальную мысль, если изобразите людей и обстоятельства в каком-нибудь неожиданном свете, вы приведете читателя в удивление. А читатель не любит удивляться. В истории он ищет только вздора, издавна ему известного. Пытаясь чему-нибудь научить читателя, вы лишь обидите и рассердите его. Не пробуйте его просвещать, он завопит, что вы оскорбляете его верования. Историки переписывают друг друга. Таким способом они избавляют себя от лишнего труда и от обвинений в самонадеянности. Следуйте их примеру, не будьте оригинальны. Оригинально мыслящий историк вызывает всеобщее недоверие, презрение и отвращение. Неужели, сударь, вы думаете, – прибавил мой собеседник, – что я добился бы такого признания и почета, если бы вводил в свои исторические книги какие-нибудь новшества? Ну что такое новшество? Дерзость – и только!

Он встал. Я поблагодарил его за любезный прием и пошел к двери. Он меня окликнул:

– Еще два слова. Если вы хотите, чтобы ваша книга была хорошо принята, не упускайте в ней ни малейшего повода прославить добродетели, составляющие основу всякого общества: почитание богатства, благочестие и особенно смирение бедняков, этот краеугольный камень общественного порядка. Заверьте читателей, что происхождение собственности, благородного сословия и жандармерии будет рассмотрено в вашем труде с подобающим уважением. Предупредите, что вы допускаете возможность вмешательства сверхъестественных сил в ход исторического процесса. При этих условиях вы стяжаете успех у благомыслящей публики.

Я продумал эти разумные указания и стал всемерно руководствоваться ими в своей работе.

Не буду здесь говорить о пингвинах до их превращения. Они интересуют меня лишь с того момента, когда из области зоологии они перешли в область истории и богословия. Ведь именно пингвины были превращены в людей великим святым Маэлем. Но здесь требуется кое-что разъяснить, поскольку в настоящее время термин «пингвин» дает повод к недоразумениям.

По-французски пингвинами называются арктические птицы, принадлежащие к семейству альцидовых; отряд же сфенисцидовых, населяющих антарктические моря, мы называем маншотами. Такое наименование находим мы, например, у г-на Ж. Лекуэнта в ¹его отчете о плавании на «Belgica». «Из всех птиц, населяющих область Герлахского пролива, – пишет он, – наибольший интерес представляют, несомненно, маншоты. Их иногда ошибочно именуют южными пингвинами». Доктор Ж. Б. Шарко, напротив, утверждает, что именно тех антарктических птиц, которых мы называем маншотами, и следует считать единственно настоящими пингвинами, и ссылается на то, что у голландцев, достигших в 1598 году Магелланова мыса, эти птицы получили название *pinguinos*, очевидно, за свою тучность. Но если маншотов надо называть пингвинами, то как же в таком случае будут называться пингвины? Доктор Ж. Б. Шарко не дает указаний, да, по-видимому, это его ничуть и не заботит².

Ну что ж! Присваивает ли он впервые своим маншотам название пингвинов или только восстанавливает его, спорить не приходится. Как первый исследователь этих птиц, он тем самым получил право дать им любое название. Но по крайней мере пусть предоставит он и северным пингвинам право оставаться пингвинами. Пускай же будут существовать пингвины южные и пингвины северные, антарктические и арктические, альцидовые (или прежние пинг-

---

¹ Ж. Лекуэнт. В стране маншотов. Брюссель, 1904, ин-октаво. – *Примеч. авт.*

² Ж. Б. Шарко. Дневник французской антарктической экспедиции. Париж. 1903, 1905, ин-октаво. – *Примеч. авт.*

вины) и сфенисцидовые (или прежние маншоты). При этом возникнут, быть может, некоторые затруднения для орнитологов, озабоченных описанием и классификацией перепончатопалых; встанет, конечно, вопрос о том, удобно ли, в самом деле, одинаково называть два разные семейства птиц, населяющие полярно противоположные области и отличающиеся к тому же одно от другого целым рядом признаков, как то: строением клюва, крыльев и лап. Меня же такое несоответствие нисколько не смущает. Сходство между моими пингвинами и пингвинами г-на Ж. Б. Шарко разносторонней и глубже различий; как для тех, так и для других характерен невозмутимо-спокойный, важный вид, какое-то комичное достоинство, дружелюбная доверчивость, добродушное лукавство, неуклюжая торжественность движений. Те и другие миролюбивы, болтливы, чрезвычайно любопытны, отличаются живым интересом к вопросам пингвинской общественной жизни и, быть может, не вполне чужды зависти и тщеславия.

У моих гиперборейцев, по правде сказать, крылья вовсе не чешуйчатые, а покрыты мелкими перышками; хотя ноги у них не так сильно отставлены назад, как у их южных собратьев, но ходят они так же: горделиво, враскачку, грудь колесом, голова кверху; а выдающийся вперед клюв, *os sublime*, послужил одним из важных поводов к ошибке христианского проповедника, принявшего их за людей.

Настоящий труд мой, следует признать, относится к истории в старом понимании этого слова – то есть в известной последовательности излагает события, о коих сохранилась память, и указывает по мере возможности их причины и следствия, – так что принадлежит скорее к области искусства, чем науки. Существует мнение, что подобный метод перестал уже удовлетворять умы, требующие точных знаний, и что древняя Клио по нынешним временам попросту болтуня. И, разумеется, когда-нибудь появится история более достоверная, исследующая условия существования, устанавливающая, что производил и потреблял тот или иной народ в ту или иную эпоху в разных областях своей деятельности. Такая история будет уже не искусством, а наукой, соблюдая точность, старой истории недоступную. Но для этого необходимо множество статистических данных, коими народы – и, в частности, пингвины – до сих пор не располагают. Возможно, что современные нации дадут когда-нибудь материал для создания подобного рода истории. Что же касается прошлого, то, боюсь, придется ограничиваться и впредь повествованием на старый лад. Достоинства такого повествования зависят главным образом от проникательности и добросовестности рассказчика.

Как сказал один из великих писателей Альки, жизнь народа соткана из преступлений, бедствий и безумств. Пингвиния в данном случае не исключение, однако в ее истории попадаются страницы, способные даже вызвать восторг, и надеюсь, я достаточно осветил их.

Долгое время пингвины отличались большой воинственностью. Один из них, а именно Жако Философ, оставил маленькую картинку их нравов, которую я приведу, – уверен, к удовольствию читателей:

«Мудрый Грациан объезжал Пингвинию во времена последних Драконилов. Однажды, углубившись в зеленеющую долину, где в чистом воздухе звенели колокольчики коровьего стада, он присел отдохнуть на скамью под сенью дуба, возле какой-то хижины. На пороге женщина кормила ребенка грудью; рядом другой ребенок, мальчик, играл с большой собакой; слепой старик, греясь на солнце, впивал полуоткрытыми устами теплоту ясного дня.

Хозяин дома, молодой человек богатырского сложения, предложил Грациану хлеба и молока.

Совершив сельскую трапезу, мудрец из страны дельфинов сказал:

– Благодарствуйте, милые жители милой страны! Как все у вас дышит весельем, сердечным согласием и миром!

В это время мимо прошел пастух, наигрывая на волынке какой-то марш.

– Что это за резкие звуки? – спросил Грациан.

– Это гимн, призывающий к войне с дельфинами, – ответил крестьянин. – У нас все поют его. Младенцы знают его прежде, чем научатся говорить. Все мы – истинные пингвины.

– Вы не любите дельфинов?

– Ненавидим!

– По какой же причине вы их ненавидите?

– Что за вопрос! Разве дельфины не соседи пингвинам?

– Соседи.

– Ну вот поэтому-то пингвины и ненавидят дельфинов.

– Разве это причина для ненависти?

– Разумеется. Сосед – значит, враг. Посмотрите на это поле, рядом с моим. Его хозяина я ненавижу больше всех на свете. После него злейшие враги мои – жители вон той деревни, что лепится по горному склону с другой стороны долины, пониже березовой рощи. В ущелье, стиснутом горами, только и есть что две деревни – наша и та; они и враждуют одна с другой. Стоит нашим парням встретиться с их парнями, как сейчас же начинается перебранка, а там и потасовка. И вы хотите, чтобы пингвины не питали вражды к дельфинам. Неужели вы не понимаете, что такое патриотизм! Нет, из моей груди рвутся лишь клики: “Да здравствуют пингвины! Смерть дельфинам!”»

Тринадцать веков подряд пингвины вели войны против всех народов на свете – с неослабевающим пылом, хотя и с переменным успехом. Потом, за какие-нибудь несколько лет, они прониклись отвращением к тому, что так долго любили, и стали отдавать решительное предпочтение миру, выражая новые чувства, конечно, с подобающей сдержанностью, но от всей души. Их генералы прекрасно приспособились к новым веяниям; вся армия, офицеры, унтер-офицеры, рядовые, новобранцы и ветераны не за страх, а за совесть прониклись этим духом. Одни только бумагомайки и библиотечные крысы выражали недовольство, да безногие инвазиды все никак не могли утешиться по поводу такой перемены.

Упомянутый Жако Философ составил нечто вроде нравоучительного рассказа, где с большой комической силой были изображены разные деяния человечества; для этого рассказа он позаимствовал многие черты из истории своей собственной страны, своего народа. Некоторые спрашивали его, зачем он создал эту карикатуру на историю человечества и какую пользу может она принести его родине.

– Превеликую пользу, – отвечал философ. – Когда мои соотечественники-пингвины узрят себя представленными на такой манер и лишенными всяких прикрас, они будут справедливее судить о своих деяниях и, быть может, станут разумнее.

Я старался не упустить в своей истории ничего, способного заинтересовать людей искусства. Они найдут здесь особую главу, посвященную пингвинской живописи средних веков, и если мне не удалось развить эту тему с той полнотой, как хотелось бы, то не по моей вине, в чем можно убедиться, прочтя о страшном случае, описанием которого я и заканчиваю настоящее предисловие.

В июне прошлого года я возымел мысль посоветоваться по поводу происхождения и развития пингвинского искусства с незабвенным Фульгенцием Тапиром, просвещенным автором «Всеобщего летописания живописи, ваяния и зодчества».

Меня проводили к нему в кабинет, и за письменным столом с цилиндрической крышкой, среди невероятного нагромождения бумаг, я увидел маленького человечка в золотых очках, беспрестанно мигающего подслеповатыми, чрезвычайно близорукими глазками.

Компенсируя недостаток зрения, он исследовал внешний мир своим длинным подвижным носом, наделенным тончайшей чувствительностью. При помощи этого органа Фульгенций Тапир и общался с царством красоты и искусства. Установлено, что во Франции музыкальные критики по большей части глухи, а критики в области живописи – слепы. Это помогает им самоуглубляться, что необходимо для эстетического мышления. Если бы Фульгенций Тапир

обладал зрением, способным различать формы и краски, облекающие полную тайн природу, – разве достиг бы он, преодолев гору документов, опубликованных в печати и рукописных, вершины доктринального спиритуализма? Разве воздвиг бы он величайшую теорию, согласно которой искусство всех времен и народов в своем развитии устремлено было к единой высокой цели – Французскому Институту!

На стенах кабинета, на полу, даже под потолком громоздились кипы бумаг, чудовищно разбухшие папки, ящики, набитые неисчислимым множеством карточек, – и, полный восхищения, а вместе с тем и ужаса, я созерцал эти хляби учености, готовые разверзнуться.

– Дорогой мэтр, – произнес я взволнованно, – прибегаю к вашей неисчерпаемой снисходительности и таким же неисчерпаемым познаниям. Не согласитесь ли вы руководить моими изысканиями в столь трудной области, как происхождение пингвинского искусства?

– Милостивый государь, – отвечал мне мэтр, – в моем распоряжении все искусство, да, да, все искусство, разнесенное на карточки в алфавитном порядке, а также по содержанию. Считаю своим долгом предоставить вам все относящееся к пингвинам. Поднимитесь на эту стремянку и выдвиньте вон тот ящик, наверху. Вы найдете в нем все, что вам нужно.

Я повиновался, весь дрожа. Но едва я выдвинул злополучный ящик, как из него посыпались голубые карточки и, скользя у меня между пальцев, полились дождем. Вслед за этим – видимо, из чувства солидарности – пооткрывались соседние ящики, и оттуда вырвались целые потоки карточек, розовых, зеленых, белых, а после этого один за другим все ящики стали извергать карточки разного цвета, и те с шумом хлынули вниз, подобно горным водопадам апрельскою порой. В одну минуту пол покрылся толстым слоем бумаги. Изливаясь с возрастающим гулом из своих неисчерпаемых хранилищ, она все яростней обрушивалась с высоты. Утопая в ней по колени, Фульгенций Тапир при помощи своего внимательного носа следил за катаклизмом. Он понял причину происшедшего и побледнел от ужаса.

– Какие богатства искусства! – воскликнул он.

Я позвал его, наклонился, чтобы помочь ему взобраться на лестницу, начинавшую гнуться под ливнем. Слишком поздно! Подавленный, полный отчаяния, жалкий, потеряв свою бархатную ермолку и золотые очки, тщетно отбивался он коротенькими ручками от новых и новых волн, захлестнувших его по самые плечи. Вдруг налетел целый смерч карточек и закружил его в гигантском водовороте. На какую-то секунду в пучине промелькнула блестящая лысина ученого и его толстенькие ручки, затем бездна сомкнулась – ни звука, ни движения, а над нею продолжал бушевать потоп. Чтобы самому не утонуть подобным же образом на стремянке, я выскочил наружу, проломив верхнее стекло окна.

Киберон, 15 сентября, 1907 г.

Книга первая

Происхождение

Глава I

Жизнь святого Маэля

Маэль, отпрыск камбрийского королевского рода, был на девятом году жизни отдан в Ивернское аббатство, ради книжного обучения, духовного и светского. В возрасте четырнадцати лет он отказался от наследства и принес обет служения Господу. Сообразно с монастырским уставом, он посвящал свое время пению гимнов, занятиям грамматикой и размышлениям над вечными истинами.

Вскоре же небесное благоухание возвестило всему монастырю о добродетелях нового инока. И когда преставился настоятель Ивернской обители, блаженный Галл, то молодой Маэль стал его преемником в управлении монастырем. Он устроил там школу, больницу, странно-приимный дом, кузницу, мастерские всякого рода, судостроительные верфи, а также заставил монашескую братию распахать близлежащие земли. Он сам возделывал монастырский сад, обрабатывал металлы, наставлял послушников, и жизнь его текла безмятежно, подобно реке, отражающей небо и несущей плодородие окрестным нивам.

На склоне дня сей служитель Господа имел обыкновение сидеть на краю обрывистого берега, в том месте, которое и поныне называют креслом св. Маэля. А внизу, у ног его, огромные скалы, похожие на черных драконов, поросшие зелеными и бурными водорослями, выставляли навстречу пенным волнам свои чудовищные груди. Он смотрел, как солнце опускается в океан, алое, будто вино причастия, и обагрывает славной кровью своей облака в небесах и гребни морских волн. И праведник прозревал в этом образе тайну креста, на котором пролита была божественная кровь, облекшая всю землю царской багрянницей. В открытом море виднелась темно-синяя полоса – берег острова Гад, где св. Бригита, принявшая пострижение от св. Мало, управляла женским монастырем.

Наслышанная о заслугах преподобного Маэля, Бригита высказала желание получить как драгоценнейший дар какое-либо изделие его рук. Маэль отлил для нее медный колокольчик и, закончив работу над ним, благословил его и бросил в море. И колокольчик, звеня, поплыл к берегам острова Гад, где св. Бригита, услышав над волнами медный звон, благоговейно приняла дар и, в сопровождении своих духовных дочерей, под пение псалмов, торжественно перенесла его в монастырскую часовню.

Так праведник Маэль совершенствовался в добродетелях. Он уже прошел две трети жизненного пути и надеялся дождаться безмятежной кончины среди братий своих во Христе, как вдруг ему было знамение, возвещающее о том, что божественная мудрость располагает иначе и что Господь призывает его к трудам не столь мирным, но не менее славным.

Глава II

Апостольское призвание святого Маэля

Однажды, погруженный в раздумье, шел он по берегу спокойной маленькой бухты, защищенной, словно естественной плотиной, грядою скал, выдавшихся далеко в море, – и вдруг он увидел каменное корыто, плывущее по водам, подобно ладье.

А ведь в каменных чанах св. Гирек, великий св. Коломбан, шотландские и ирландские монахи отправлялись проповедовать Евангелие в Арморике. И еще недавно св. Авойя, прибыв

из Англии, поплыла вверх по течению реки Орэ в ступе из розового гранита – той самой, куда впоследствии сажали детей, чтобы они росли сильными; святой же Вуга переправился из Ивернии в Корнуэльс на скале – потом ее обломки, сохранившиеся в Пенмархе, начали исцелять от лихорадки, стоило богомольцам приложиться к ним головой; св. Самсон приплыл в залив близ горы Св. Михаила в гранитном чане, впоследствии названном мисой св. Самсона. Вот почему при виде этого каменного корыта св. Маэль понял, что Господь предназначил его для просвещения язычников, еще во множестве обитавших по бретонским островам и на побережье.

Он вручил свой ясеневый посох Будоку, человеку святой жизни, тем самым передавая ему управление обителью. Затем, захватив с собою каравай хлеба, бочонок пресной воды и святое Евангелие, сел в каменное корыто, и оно тихо поплыло с ним к острову Эдику.

На острове этом постоянно бушуют ветры. Бедняки ловят там рыбу в расщелинах между скал и с трудом выращивают кое-какие овощи на песчаной и каменистой земле своих огородов, окруженных либо невысокой каменной стеною сухой кладки, либо тамарисковой изгородью. В лощине росла могучая смоковница, широко раскинувшая ветви. Островитяне поклонялись ей как божеству.

И сказал им Маэль, человек святой жизни:

– Вы поклоняетесь этому дереву, потому что оно прекрасно. Значит, вы чувствительны к красоте. Так вот, я пришел раскрыть перед вами красоту сокровенную.

И он проповедал им Евангелие. И, наставив их, окрестил солью и водой.

Морбиганские острова были в те времена многочисленнее, чем ныне. Ибо с тех пор многие из них погрузились в море. На шестидесяти островах проповедал св. Маэль христианскую веру. Затем в своем гранитном корыте он поднялся вверх по реке Орэ и после трехчасового плавания вышел на берег перед каким-то римским домом. Над крышей вился дымок. Святой переступил порог, украшенный мозаичным изображением собаки с ощеренными зубами и напряженными мускулами лап. Его приняли в этом доме престарелые супруги – Марк Комбаб и Валерия Мэренс, жившие плодами своей земли. Вокруг внутреннего двора высились колонны портика, снизу до половины выкрашенные в красный цвет. В стене был устроен фонтан из раковин, а под портиком стоял алтарь с нишей, куда хозяин дома поместил терракотовых идолов, побеленных известкой. Некоторые из них изображали крылатых детей, другие – Аполлона или Меркурия, а иные были в виде нагой женщины, выжимающей воду из волос. Разглядывая эти фигурки, св. Маэль нашел среди них изображение молодой матери с младенцем на коленях.

Тотчас же, указывая на нее, он сказал:

– Это Пресвятая Дева, Матерь Божья. Поэт Вергилий возвестил о ней в сивиллиных песнях еще до ее рождения и ангельским голосом воспел ее: «*Jam redit et virgo*»³. И среди язычников распространены были фигурки, пророчествующие о ней, подобно вот этой на твоём алтаре, о Марк! Она, без сомнения, была благосклонна к твоим скромным дарам. Таким-то образом все послушно следующие естественному закону уже подготовлены к тому, чтобы воспринять откровение истины.

Марк Комбаб и Валерия Мэренс, просвещенные этой речью, обратились в христианскую веру. Они приняли святое крещение вместе с их юной вольноотпущенницей Целией Авителлой, которую любили, как свет своих очей. В тот же день отреклись от язычества и были крещены все колонны.

Марк Комбаб, Валерия Мэренс и Целия Авителла посвятили с тех пор свою жизнь подвигам добродетели. А после праведной кончины были причислены церковью к лику святых.

---

³ «Дева вернулась уже» (лат.).

Так на протяжении тридцати семи лет блаженный Маэль просвещал язычников внутренних областей. Его тщанием воздвигнуто было двести восемнадцать часовен и семьдесят четыре монастыря.

Но вот однажды, пребывая в городе Ванн и проповедуя там Евангелие, прослышал он, что в его отсутствие ивернские монахи отступили от устава св. Галла. Тотчас же, рьяный, как насадка, собирающая своих цыплят, поспешил он к заблудшим чадам своим. Ему шел тогда уже девяносто седьмой год; но, согбенный годами, он сохранял еще силу в руках, а звуки его голоса широко разносились вокруг, как зимний снег по глубоким долинам.

Аббат Будок вернул св. Маэлю ясеневый посох и поведал ему о том жалком состоянии, в коем находился монастырь. Монахи рассорились из-за того, когда надлежит праздновать Пасху. Одни стояли за римский календарь, другие – за греческий, и обитель раздирали ужасы хронологического раскола.

Царила в ней и другая причина беспорядков. Монахини острова Гад, в прискорбном забвении бывшей добродетели, то и дело подплывали в лодке к ивернскому берегу. Монахи принимали их в странноприимном доме, и греховный соблазн распространялся все больше и больше, приводя в отчаяние благочестивые души.

Свое правдивое повествование аббат Будок закончил следующими словами:

– Появление этих инокинь погубило невинность и покой наших монахов.

– Готов этому поверить, – отвечал блаженный Маэль. – Ибо женщина – это ловко расставленная западня. Только почуял ее – и уже попался. Увы, восхитительная прелесть этих созданий издали действует еще сильнее, чем вблизи. И чем меньше они удовлетворяют страстное желание, тем больше внушают его. Именно потому и сказал поэт, обращаясь к одной из них:

Вы здесь – от вас бегу, вас нет – я снова с вами.

Оттого-то мы и видим, сын мой, что приманки плотской любви более властны над отшельниками и монахами, нежели над мирянами. Бес похоти всю жизнь искушал меня разными способами, и самым сильным искушениям подвергался я вовсе не при встрече с какой-либо женщиной, даже прекрасной и благоуханной. Они порождались во мне образом женщины отсутствующей. Еще и поныне, на закате дней моих, когда я вступаю в девяносто восьмой год жизни, враг рода человеческого нередко вводит меня в грех против целомудрия, по крайней мере в помыслах моих. По ночам, когда я зябну на своем ложе и старые кости мои глухо стучат одна о другую, я слышу чьи-то голоса, читающие мне второй стих Третьей книги Царств: «И сказали ему слуги его: пусть поищут для господина нашего, царя, молодую девицу, чтобы она предстояла царю, и ходила за ним, и лежала с ним, и будет тепло господину нашему, царю». И диавол показывает мне отроковицу в расцвете первой юности, и она говорит мне: «Я – твоя Ависага. Я – твоя сунамиянка, господин мой, дай мне место на ложе твоём».

– Поверьте мне, – добавил старик, – только особая милость Божья помогает монаху блюсти целомудрие в делах и в помыслах.

Приступив к восстановлению в монастыре мира и чистоты нравов, он исправил календарь сообразно хронологическим и астрономическим исчислениям и обязал всех монахов отныне его придерживаться; падших духовных дочерей св. Бригиты он отослал в их обитель – однако не только не изгнал их с позором, но велел проводить на корабль с пением псалмов и литаний.

– Окажем уважение им, как дочерям Бригиты и невестам Христовым! – говорил он. – Не уподобимся фарисеям, лицемерно презирающим грешниц. Нужно унижить в этих женщинах грех, а не их самих, и заставить их стыдиться содеянного, а не самих себя: ведь они – создания Божьи.

И святой обратился к своим монахам с увещанием соблюдать монастырский устав.

– Когда над кораблями не властвует кормило, – говорил он, – над ними властвуют подводные скалы.

Глава III

Искушение святого Маэля

Не успел блаженный Маэль восстановить благочиние в Ивернском аббатстве, как до него дошла весть, что жители острова Эдика, первые его новообращенные, самые дорогие его сердцу, снова впали в язычество и снова стали вешать венки из цветов и шерстяные повязки на ветви священной смоковницы.

Лодочник, принесший это прискорбное известие, высказал опасение, как бы эти заблудшие не предали огню и разорению воздвигнутую на берегу острова часовню.

Святой решил незамедлительно навестить неверных чад своих, дабы вернуть их на стезю истинной веры и удержать от святотатственных бесчинств. Подойдя к бухте, где стояло на причале его каменное корыто, он обратил свои взоры на судостроительные верфи, уже тридцать лет как сооруженные им в глубине бухты и в этот час оглашаемые визгом пил и стуком молотков.

И тут диавол, неутомимый в своих кознях, вышел из верфей, приблизился к святому, приняв обличье одного из монахов, по имени Самсон, и стал так искушать его:

– Отец мой, жители острова Эдика непрерывно предаются греху. С каждым мгновением они все больше удаляются от Бога. Они уже готовы предать огню и разорению часовню, воздвигнутую трудами славных рук твоих на берегу острова. Время не терпит. Не полагаешь ли ты, что твое каменное корыто быстрее пойдет по водам, если оснастить его как судно, снабдив рулем, мачтой и парусом? Ведь тогда тебе будет помогать ветер. Руки твои еще сохранили силу и способны управлять судном. А также неплохо бы к передней части твоего апостолического корыта приладить острый волнорез. В своей мудрости ты сам, должно быть, уже подумал об этом.

– Конечно, время не терпит, – отвечал святой старец. – Но поступить по твоему совету, сын мой Самсон, – не значит ли уподобиться маловерам, не желающим положиться на помощь Божию? Не значит ли это презреть дар самого Господа, пославшего мне каменное корыто без всякой оснастки и без паруса?

На этот вопрос диавол, превеликий богослов, ответил другим вопросом:

– Но, отец мой, похвально ли будет ждать сложа руки помощи свыше и испрашивать все у Всемогущего, вместо того чтобы действовать по человеческому разумению, своими силами?

– Конечно, нет, – ответил св. Маэль. – Отказываться действовать по человеческому разумению – значит искушать Господа Бога.

– А в наших обстоятельствах, – продолжал диавол, – не велит ли человеческое разумение оснастить корыто?

– Это было бы так при невозможности другим способом поспеть вовремя к цели.

– Хе-хе, значит, твое корыто так быстроходно?

– Оно так быстроходно, как это угодно Господу Богу.

– Что ты об этом знаешь? Оно способно двигаться не быстрее, чем мул нашего аббата Будока. Это просто старый башмак. Разве нам возбраняется прибавить ему быстроты?

– Сын мой, доводы твои блестящи, но чрезмерно смелы. Не забывай, что корыто мое обладает чудесным свойством.

– Все это так, отец мой. Гранитное корыто, плавающее по воде, как пробка, несомненно обладает чудесным свойством. Но что из этого следует?

– Я в большом затруднении. Надлежит ли совершенствоваться человеческими, естественными средствами столь чудесное судно?

– Отец мой, если ты потеряешь правую ногу и Господь вернет ее тебе, будет ли такая нога чудесной?

– Несомненно, сын мой.

– Будешь ли ты обувать ее?

– Разумеется.

– Так вот, если ты допускаешь, что можно обувать в простой башмак чудесную ногу, то должен допустить и простую оснастку для чудесного судна. Это ясно как день! Ах, отчего даже у самых праведных людей дух подвержен порою затмению и нерешительности! Казалось бы, кто из вероучителей Бретани достиг большей славы, кто более способен свершать дела, достойные вечной хвалы?.. Но дух медлителен, и руки ленивы. Что ж, отец мой, прощай. Плыви себе полегоньку, а когда достигнешь наконец берегов Эдика, полюбуйся дымом пожарища на месте часовни, воздвигнутой и освященной твоими руками. Язычники сожгут ее – и с нею бедного диакона, поставленного тобою, который будет поджарен, как колбаса.

– Я в великом смущении, – отвечал слуга Господень, отирая рукавом выступивший на лбу пот. – Но послушай, сын мой Самсон, ведь не так-то легко будет оснастить это каменное корыто. И, взявшись за такую работу, не потеряем ли мы время, вместо того чтобы выиграть его?

– Ах, отец мой, – воскликнул диавол, – не успеет один только раз просыпаться песок в часах, как все будет готово. Мы найдем необходимые снасти на верфях, некогда заложенных тобою здесь, на берегу, и на складах, обильно снабжаемых благодаря твоим заботам. Я собственноручно оснащу корыто. Ведь до поступления в монастырь я был матросом и плотником, да и на кое-что другое неплохим мастером. Приступим!

И вот он увлекает святого в сарай, полный всяких принадлежностей для мореплавания.

– Забирай, отец мой!

И взваливает ему на спину парус, мачту, гафель и гик. Затем, сам нагрузившись форштевнем и рулем с кормовой частью киля, прихватив мешок со столярным инструментом, бежит он к берегу, таща за полы святого мужа, а тот едва поспевает за ним, задыхаясь, весь в поту, согбенный под тяжестью паруса и деревянных снастей.

Глава IV

Плавание святого Маэля по Ледовитому океану

Подоткнув свою одежду к самым подмышкам, диавол вытащил корыто на песок, и не прошло и часу, как оснастил его.

Лишь только св. Маэль взошел на борт, корыто на всех парусах стало разрезать волны с такою быстротой, что берег вскоре исчез из виду. Старец правил на юг, намереваясь обогнуть Лендз-Энд. Но непреодолимое течение относило его к юго-западу. Проплыв вдоль южного берега Ирландии, судно вдруг повернуло к северу. Вечером ветер посвежел. Тщетно пытался Маэль свернуть парус. Корыто неистово несло вперед, к баснословным морским далям.

В лунном свете пышнотелые северные сирены, с волосами цвета конопли, плавали вокруг, выставя из воды свои белые груди и розовые бедра; они ударили изумрудными хвостами по вспененным волнам под мерные звуки своей песни:

Куда тебя, кроткий Маэль,
Несет, обезумев, корыто?
Вздувается парус на нем —
Так грудь у Юноны вздымалась,
Млечный Путь в небесах оставляя.

Некоторое время они, при свете звезд, преследовали его гармоническим смехом. Но корыто шло во сто крат быстрее красной ладьи викинга, и буревестники, настигнутые на лету, запутывались лапами в волосах святого мужа.

Вскоре поднялась буря, и, гонимое яростным ветром сквозь мрак и вой, корыто летело, как чайка, среди тумана и клочущих волн.

После этой ночи, длившейся трое суток, пелена мрака внезапно разорвалась. И вдали, на самом горизонте, святой муж увидел берег, сверкающий ярче алмаза. Берег рос на глазах, и вскоре, при ледяном свете солнца, застывшего низко в небе, перед Маэлем возник над волнами белый город с пустынными улицами; более обширный, чем стовратные Фивы, он далеко, насколько видит глаз, простирал развалины своего снежного форума, своих дворцов, одетых изморозью, хрустальных арок,obelisks, переливающихся перламутровым блеском.

Океан был весь в плавающих льдинах, среди которых ныряли моржи с диким и кротким взглядом. Пронесся Левиафан, извергая к самым облакам целый столб воды.

Между тем на ледяной глыбе, плывущей рядом с каменным корытом, Маэль увидел белую медведицу с медвежонком у груди и слышал, как она тихо прошептала стих из Вергилия: «*Incipe, parve puer...*»⁴

И старец заплакал, полный печали и смятения.

Бочонок с пресной водой лопнул, так как вода в нем замерзла. Чтобы утолить жажду, Маэль сосал льдинки. И ел хлеб, пропитанный соленой водой. Волосы в бороде и на голове его стали ломкими, как стеклянные. Обледенная одежда при каждом движении царапала ему тело. Чудовищные волны поднимались вокруг, разверзая на старца свои покрытые пеной пасти. Раз двадцать лодку затопляло водой. Святое Евангелие в пурпурном переплете с золотым крестом, столь заботливо хранимое проповедником, было поглощено океаном.

Но вот, на тридцатый день, море успокоилось. И вдруг, под ужасающий грохот в небесах и на водах, ослепительно белая гора высотой в триста футов надвинулась на каменное корыто. Маэль правит в сторону, но румпель в руках его ломается. Чтобы избежать столкновения со скалой, он хочет свернуть часть паруса. Но когда он пытается подвязать линьки, ветер вырывает их у него из рук, и трос, резко выскальзывая, обжигает ему ладони нестерпимой болью. И он видит трех демонов с черными кожистыми крыльями, усеянными множеством крючков: повиснув на мачте, демоны дуют в парус.

При виде их он понимает, что поддался наущениям врага рода человеческого, и осеняет себя крестным знамением. И сразу же бешеный порыв ветра, в котором слышатся рыдания и вой, поднимает каменное корыто, уносит мачту и парус, срывает руль и волнорез.

И корыто, отнесенное течением в сторону, опустилось в спокойных водах. Преклонив колени, святой муж возблагодарил Господа за спасение из диавольской западни. Тут он снова увидел на ледяной глыбе медведицу-мать, говорившую человеческим голосом среди бури. Она прижимала к груди свое любимое дитя, а в лапах держала книгу в пурпурном переплете с золотым крестом. Подплыв на своей льдине к гранитному корыту, она приветствовала святого мужа словами: «*Pax tibi, Mael!*»⁵ – и протянула ему книгу.

Святой муж узнал свое Евангелие и, изумленный, огласил потеплевший воздух гимном во славу Творца и его творения.

---

⁴ «Маленький мальчик, начни...» (лат.)

⁵ «Мир тебе, Маэль!» (лат.)

Глава V

Крещение пингвинов

Отнесенный течением в сторону, святой муж через час пристал к узкой береговой полосе, ограниченной островерхими горами. Целый день и целую ночь шел он вдоль берега, обходя скалы, высившиеся непреодолимой преградой. И таким образом убедился, что попал на округлый остров, посредине которого возвышалась увенчанная облаками гора.

С восторгом впивал он свежее дыхание влажного ветра. Шел дождь, и дождь этот был так сладостен, что святой муж сказал Господу:

– Господи, остров сей – остров слез покаянных.

Взморье было безлюдно. Изнемогая от усталости и голода, он сел на камень и увидел рядом с собою, в углублении камня, птичьи яйца, желтые, в черных крапинках и по размерам сходные с лебедиными. Но он не притронулся к ним, говоря:

– Птицы – живые славословия Господу. Не хочу, чтобы хоть одно из этих славословий исчезло по моей вине.

И стал жевать лишайники, росшие в расселинах камня.

Святой муж обошел уже почти весь остров, не встретив никаких обитателей, как вдруг обнаружил на своем пути обширную круглую площадь, замкнутую бурыми и рыжими скалистыми горами, которые звенели множеством водопадов и уходили голубоватыми вершинами под самые облака.

Глаза у старца были обожжены сиянием полярных льдов. Но все же набухшие веки пропускали еще слабый свет. И он различил какие-то живые существа, громоздившиеся на выступах скал, подобно человеческой толпе на ступенях амфитеатра. А в то же время и уши его, оглушенные ревом морских волн, казалось, различили слабые звуки голосов. Полагая, что перед ним люди, еще живущие лишь по естественным законам, и что Господь послал его к этим людям, дабы наставить их в законе божеском, он стал проповедовать им Евангелие.

Взобравшись на высокий камень посередине этого природного амфитеатра, он обратился к ним со словами:

– Островитяне! Хоть вы и малорослы, но больше похожи на сенаторов некоего благоустроенного государства, чем на толпу рыболовов и моряков. Степенные, молчаливые, спокойные, вы на своем собрании посреди этих диких скал подобны римским отцам города, сошедшимся на совещание в храм Победы, или, скорей, даже афинским философам, дискутирующим на скамьях Ареопага. Конечно, вы не обладаете ни их ученостью, ни их дарованиями, но, быть может, в глазах Господа нашего вы их и превосходите. Я догадываюсь, что вы простодушны и добры. Обойдя берега вашего острова, я не обнаружил ни следов смертоубийства, ни признаков кровопролития, ни вражеских голов или скальпов, вздетых на высокие шесты или пригвожденных к сельским воротам. Мне кажется, вы не знаете ремесел и не обрабатываете металлов. Но сердца ваши чисты и руки не запятнаны греховными делами. И истина легко проникает к вам в души.

Однако те, кого он принял за людей, хоть и малорослых, но степенных, были пингвины, собравшиеся на птичий базар, как это бывает весною, – они сидели парами на естественных выступах скалистой горы, а большие белые животы придавали им величественную осанку. Порою они взмахивали своими короткими, похожими на руки крыльями и мирно покрикивали. Они не боялись людей, так как не знали их и никогда не видели от них зла, а от этого монаха веяло такой кротостью, что он внушал доверие самым пугливым животным – и пингвинам чрезвычайно понравился. С дружественным любопытством каждый из них обратил к нему свой круглый глазок с белой овальной каемкой, удлиняющей его спереди и придающей взгляду нечто странное и как бы человеческое.

Тронутый их невозмутимым спокойствием, святой стал проповедовать им Евангелие:

– Островитяне, сей земной день, только что взошедший над вашими скалами, есть образ духовного дня, восходящего в душах ваших. Ибо я несу вам внутренний свет; несу свет и тепло духовные. Подобно тому как солнце растапливает ледники у вас на горах, Иисус Христос растопит лед сердец ваших.

Так говорил старец. А всюду в природе один голос вызывает в ответ другой, и все живое на земле любит песенную переключку – вот почему на слова старца откликнулись все пингвины глотки. И голоса были нежны, так как это время года для пингвинов – пора любви.

Святой, убежденный, что пред ним племя идолопоклонников и что они на своем языке признали истинность христианской веры, тут же предложил им принять крещение.

– Полагаю, что вы часто купаетесь, – сказал он им. – Ведь все впадины этих скалистых гор полны чистой воды, и я сам, идя сюда, видел, как многие из вас погружались в эти естественные купели. Так знайте же, что чистота телесная есть образ чистоты духовной.

И он поведал им о происхождении, природе и последствиях крещения.

– Крещение, – объяснил он, – это Присоединение, Возрождение, Восстановление, Просвещение.

И растолковал им это по пунктам.

А затем, предварительно благословив воду горных водопадов и творя очистительные молитвы, он окрестил новообращенных, пролив каждому на голову каплю воды и произнеся при этом священные слова.

Так крестил он птиц три дня и три ночи.

Глава VI

Совещание в раю

Когда вести о крещении пингвинов дошли до рая, они вызвали там не радость, не печаль, но крайнее удивление. Сам Господь Бог не знал, как быть. Он созвал ученых и богословов, чтобы обсудить с ними вопрос, имеет ли такое крещение силу.

– Никакой! – заявил св. Патрик.

– Почему никакой? – спросил св. Галл, просветитель Корнуэльса, воспитавший святого мужа Маэля для апостольских трудов.

– Таинство крещения недействительно, – отвечал св. Патрик, – если оно совершено над птицами, подобно тому как недействительно таинство брака, если оно совершено над евнухом.

Но св. Галл возразил:

– Что же общего между крещением птиц и браком евнуха? Ровно ничего! Брак есть таинство условное, так сказать, предвосхищающее. Священник заранее благословляет некий акт; совершенно очевидно, что в случае, если этот акт не осуществится, благословение не будет иметь действия. Это каждому ясно. В земной своей жизни я знал в городе Антриме богатого человека по имени Садок. Он состоял в сожительстве с одной женщиной и прижил с нею девять детей. В старости, уступая моим увещаниям, он согласился обвенчаться с нею, и я благословил их союз. К несчастью, преклонные лета не позволили Садоку осуществить этот брак. Немного времени спустя он лишился всех своих богатств, и Гермина (так звали женщину), будучи не в силах выносить такую нужду, просила о расторжении брака, оставшегося неосуществленным. Папа исполнил эту просьбу, ибо она была справедлива. Вот как обстоит дело с таинством брака. Что же касается крещения, то оно не ограничено никакими условиями и оговорками. Не может быть сомнений: таинство над пингвинами совершено.

Когда попросили поделиться своим мнением по этому поводу св. Дамасия, папу, он высказался следующим образом:

– Чтобы определить, имеет ли крещение силу и вызовет ли оно нужные последствия, то есть освятит ли крещаемых, следует знать, кто его совершает, а не над кем оно совершается. В самом деле, освящение, происходящее при этом таинстве, есть результат внешнего действия, совершенного над крещаемым, меж тем как сам он в своем освящении не принимает никакого участия; будь это иначе, не крестили бы новорожденных. И чтобы крестить, нет надобности в каких-либо особых условиях, нет необходимости пребывать в состоянии благодати – достаточно возыметь намерение поступить сообразно с указаниями церкви: произнести священные слова и исполнить предписываемый обряд. А нельзя сомневаться в том, что преподобный Маэль соблюл все эти условия. Следовательно, пингвины крещены.

– Вот как? – спросил св. Гвенолий. – Тогда, по-вашему, что ж такое крещение? Крещение – это акт обновления, при котором крещаемый вновь рождается из воды и духа, ибо, войдя в воду весь запятанный грехами, он выходит из нее новопосвященным христианином, совершенно другим существом, предуготовленным к подвигам праведности; в крещении, как в зерне, заключено бессмертие; крещение – залог воскресения; крещение есть сопребывание с усопшим Христом и совосстание с ним из гроба. Сей дар – не для птиц! Посудите сами, отцы! Крещением смывается первородный грех, но ведь пингвины не зачаты в грехе; оно освобождает от наказания за грехи, но ведь пингвины не грешат; оно осеняет благодатью и готовит к добродетельной жизни, соединяя христиан с Иисусом Христом, как части тела соединены с головою, но ведь нельзя допустить и мысли, чтобы пингвины могли украшаться добродетелями наподобие христианских исповедников, дев и вдовиц, могли осеняться благодатью и приобщаться к...

Св. Дамасий не дал ему окончить.

– Это доказывает только, что крещение было напрасно, – живо заметил он, – но отнюдь не доказывает, что оно недействительно.

– Однако в таком случае, – отвечал ему св. Гвенолий, – можно крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа погружением в воду или окроплением не только птиц и четвероногих, но также и неодушевленные предметы – статуи, столы, стулья и тому подобное. И такое животное стало бы христианином, такой идол, такой стол были бы христианами? Что за нелепость!

Затем взял слово св. Августин. Его выслушали в глубоком молчании.

– Я сейчас покажу вам на примере могущество ритуала, – сказал пламенный епископ Гиппонский. – Правда, дело идет о заклятии дьявольском. Но если установлено, что ритуал, внушенный дьяволом, оказывает действие на неразумных животных или даже на неодушевленные предметы, как же усомниться в том, что священный ритуал оказывает действие на разум животных и на косную материю? Вот пример.

При жизни моей была в городе Мадавре, на родине философа Апулея, одна волшебница, умевшая привлекать к себе на ложе любого мужчину: для этого ей достаточно было сжечь на своем треножнике несколько волосков с головы ее избранника, подкладывая при этом в огонь какие-то травы и произнося какие-то слова. Но однажды, пожелав таким способом добиться любви некоего юноши, она введена была в обман своею служанкой и вместо волосков с головы юноши сожгла клочок шерсти, выдернутый из козлиной шкуры, которая служила кабатчику мехом для вина. И вот ночью мех этот, полный вином, сорвался со стены и проскакал через весь город прямо к порогу волшебницы. Случай совершенно достоверный. В таинстве, как и в волшебстве, все зависит от соблюдения формы. Действие божественного ритуала не может быть слабее и ограниченной, чем действие ритуала адского.

Высказавшись таким образом, великий Августин сел на свое место под шум рукоплесканий.

Какой-то блаженный муж преклонных лет и унылого вида попросил слова. Никто не знал его. Он звался Пробом и не числился в списке канонизированных святых.

– Прошу прощения у почтенных слушателей. У меня нет ореола, и я не прославлен блестящими подвигами, хоть и достиг вечного блаженства. Но после всего сказанного великим святым Августином я считаю уместным поделиться с вами собственным жестоким опытом, благодаря которому я узнал, чем обусловлена действительность таинства. Справедливо сказал епископ Гиппонский: в таинстве все зависит от ритуала. В ритуале – его сила, в ритуале и его слабость. Выслушайте, исповедники и священнослужители, мою горестную повесть. Я был священником в Риме, в правление императора Гордиана. Не отличаясь выдающимися заслугами, подобными вашим, я все же с благоговением отправлял свои священнические обязанности. Сорок лет священствовал я при церкви Святой Модесты-за-стенами. Жизнь моя протекала размеренно. Каждую субботу я ходил к кабатчику по имени Бархас, занимавшему со своими амфорами помещение у Капенских ворот, и покупал у него вино, дабы освящать его ежедневно всю неделю. За долгий срок моего священства не случилось ни разу, чтобы я не отслужил утром обедни с пресуществлением святых даров. И, однако, я не знал радости, и тоска стесняла мне сердце, когда я вопрошал на ступенях алтаря: «Отчего ты печальна, душа моя, и отчего смущаешь меня?» Приобщая верующих, я испытывал постоянные огорчения, ибо, можно сказать, еще ощущая на языке вкус тела и крови Христовой, полученных из моих рук, они снова впадали в грех, как если бы таинство не имело силы и не оказывало на них никакого действия. Наконец исполнились сроки земных испытаний моих, и я, опочив в Господе, пробудился в блаженных селениях. И вот тогда из уст ангела, перенесшего меня сюда, услышал я, что кабатчик Бархас продавал у Капенских ворот под видом вина какой-то отвар из овощей и древесной коры, в котором не содержалось ни капли виноградного сока; что я не мог претворять такое варево в кровь, ибо это было не вино, – а одно лишь вино претворяется в кровь Христову; что, следовательно, и совершаемое мною таинство не имело силы, а я с моею паствой, сами того не ведая, на протяжении сорока лет лишены были таинства евхаристии – и, значит, по существу, отлучены от церкви. Я был поражен таким открытием, и поныне угнетающим меня в сих райских селениях. Я непрестанно обхожу их от начала до конца, но не встречал еще здесь ни одного из тех, кому некогда давал причастие в базилике блаженной Модесты.

Лишенные хлеба небесного, они были бессильны противостоять самым отвратительным порокам и все попали в ад. Утешаю себя мыслью, что и кабатчик Бархас осужден на адские муки. В этом есть логика, достойная создателя всяческой логики. Тем не менее мой горестный пример показывает, как бывает иногда прискорбно, что в таинствах форма важнее содержания. И я смиренно вопрошаю: не может ли мудрость предвечного оказать здесь целебное действие?

– Нет, – отвечал Господь. – Лекарство опаснее самой болезни. Если бы для спасения души содержание имело больше силы, чем форма, это означало бы уничтожение священства.

– Увы, Господи, – со вздохом промолвил смиренный Проб, – поверьте моему печальному опыту: сводя таинства к соблюдению ритуала, вы создаете ужасающие помехи своему правосудию.

– Знаю лучше вас! – отвечал Господь. – Я охватываю одним взором и трудные задачи нынешних времен, и задачи времен грядущих, не менее трудные. И вот могу возвестить вам, что, когда Солнце совершит еще двести сорок раз свой путь вокруг Земли...

– Какой возвышенный язык! – воскликнули ангелы.

– И достойный Творца Вселенной! – поддержали священнослужители.

– Такие обороты речи связаны с моей старой космогонией, – заметил Господь, – и если я откажусь от нее, это нанесет ущерб моей неизменности... Итак, когда Солнце совершит еще двести сорок раз свой путь вокруг Земли, в Риме не останется ни одного ученого, знающего латинский язык. В церквах, при пении литаний, будут звать к святым Орихилу, Рогуилу и Тотихилу – имена же эти, как вам известно, суть имена диавольские, а не ангельские. Многочисленные воры, желая причаститься, но опасаясь, что их заставят для прощения грехов отдать похищенное в церковь, предпочтут исповедоваться у бродячих священников, которые,

не зная ни итальянского, ни латинского языка и говоря только на своем деревенском наречии, будут ходить по городам и весям, отпуская грехи за ничтожную плату, а то и просто за бутылку вина. По всей вероятности, подобные отпущения не будут иметь к нам никакого касательства, как полученные без раскаяния и по этой причине недействительные; но крещения, весьма возможно, еще доставят нам немало забот. Священники станут до такой степени невежественны, что начнут крестить младенцев «во имя отцов, сынов и святых духов», о чем сообщит не без удовольствия Луи де Поттер в третьем томе своей «Философской, политической и критической истории христианства». Разрешать вопрос о действительности такого рода крещения окажется весьма нелегко, ибо, если в Священном Писании я мирюсь с греческим языком, далеко уступающим в изяществе языку Платона, и с латынью, отнюдь не Цицероновской, но все-таки не могу же я принять в качестве литургического текста полную тарабарщину! Нельзя без содрогания подумать, что такие неправильности будут допущены по отношению к миллионам новорожденных. Но вернемся к нашим пингвинам.

– Ваши божественные речи, о Господи, уже подвели нас снова к этому вопросу, – сказал св. Галл. – В религиозных символах и правилах, от которых зависит спасение души, форма безусловно важнее содержания, и действительность таинства зависит исключительно от формы. Следовательно, нужно только знать, была ли соблюдена форма при крещении пингвинов: да или нет? Ответ совершенно ясен.

Отцы и ученые богословы согласились со св. Галлом, но это привело их к еще большему замешательству.

– Обращение пингвинов в христианство сопряжено для них с немалыми трудностями, – сказал св. Корнелий. – Ведь этим птицам надо будет заботиться о своем вечном спасении. Как же они могут его достигнуть? Птичьи нравы во многих отношениях противоречат предписаниям церкви. А у пингвинов нет разумных оснований эти нравы изменять. То есть, я хочу сказать, пингины недостаточно разумны, чтобы стать благонравными.

– Они не могут измениться, – сказал Господь. – Этому препятствуют мои предначертанья.

– А вместе с тем, – продолжал св. Корнелий, – будучи крещены, они теперь отвечают за свое поведение. Оно станет отныне либо хорошим, либо дурным, достойным похвалы или порицания.

– Да, именно так стоит вопрос, – сказал Господь.

– Я вижу один только выход, – сказал св. Августин. – Пингины пойдут в ад.

– Но ведь у них нет души, – возразил св. Иринеи.

– Досадно, – со вздохом сказал св. Тертуллиан.

– Что и говорить! – согласился св. Галл. – Приходится признать, что праведный Маэль, ученик мой, в слепом рвении своем, создал для Святого Духа немалые трудности богословского характера и погрешил против порядка совершения таинств.

– Легкомысленный старик! – воскликнул, пожимая плечами, св. адъютант Эльзасский.

Но Господь укоризненно взглянул на адъютанта и сказал ему:

– Позвольте, позвольте! Ведь святой Маэль, в отличие от вас, блаженный муж, не наделян дарованным свыше знанием. Я недоступен его лицемерию. Он обременен старческими немощами, наполовину глух и на три четверти слеп. Вы слишком суровы к нему. Но признаю, положение в самом деле весьма затруднительно.

– К счастью, это трудность проходящая, – сказал св. Иринеи. – Пингины получили крещение, но их будущие птенцы не получают его, так что ошибка затрагивает лишь нынешнее поколение.

– Не говорите так, сын мой Иринеи, – поправил его Господь. – Законы, устанавливаемые естествоиспытателями на земле, допускают возможность исключений, ибо они несовершенны и не вполне соответствуют природе вещей. Но законы, установленные мною, совершенны и не терпят никаких исключений. Надлежит решить участь крещеных пингвинов таким образом,

чтобы ни в чем не нарушить божественных законов и десяти заповедей, а равно и предписаний моей церкви.

– Господи, даруйте им бессмертную душу, – предложил св. Григорий Назианзин.

– Увы, Господи, что им делать с нею? – вздыхая, заметил Лактанций. – Ведь нет у них приятного голоса, чтобы воспевать вам хвалу. Они не в состоянии будут совершать святые таинства.

– Они, конечно, не будут соблюдать божественного закона, – поддержал св. Августин.

– Они не в состоянии будут соблюдать его, – сказал Господь.

– Не в состоянии, – повторил св. Августин. – И если вы, Господи, в великой мудрости своей, вдохнете в них бессмертную душу, они пойдут в огонь вечный, согласно с вашими благими предначертаниями. И таким образом верховный порядок, нарушенный этим старым камбрийцем, восстановится.

– Вы предлагаете мне верное решение, сын Моники, вполне согласное с моей мудростью, – сказал Господь. – Но оно не удовлетворяет моего милосердия. А я, хоть и неизменный в своей сущности, с течением времени все более склоняюсь к кротости. Чтобы почувствовать эти изменения в моем характере, достаточно сравнить Ветхий Завет с Новым.

Так как прения затянулись, не внося в вопрос никакой ясности, и блаженные мужи обнаруживали склонность повторяться, – решено было посоветоваться со св. Екатериной Александрийской. Так обычно поступали во всех затруднительных случаях. Св. Екатерина при земной жизни своей поставила в тупик пятьдесят учений богословов. Она одинаково хорошо знала как Священное Писание, так и философию Платона и владела искусством риторики.

Глава VII

Совещание в раю

(Продолжение и окончание)

Святая Екатерина явилась на совещание в венце, украшенном изумрудами, сапфирами и жемчугом, и в платье из золотой парчи. Сбоку она держала пылающее колесо – подобие того, которое осколками своими поразило ее мучителей.

Господь спросил ее мнения, и она сказала следующее:

– Господи, чтобы разрешить задачу, милостиво предложенную мне вами, я не стану подвергать разбору нравы животных вообще и птиц – в частности. Я позволю себе только обратить внимание ученых богословов, исповедников и священнослужителей, здесь собравшихся, на то обстоятельство, что между человеком и животным нет резкого разделения, поелику существуют чудовища, совмещающие в себе оба эти начала. Таковы химеры – полунимфы и полузмеи; таковы три горгоны; таковы козлоногие; таковы сциллы и сирены, поющие на море. Ведь у последних грудь женская, а хвост рыбий. Таковы и кентавры: они до пояса – люди, а ниже – лошади. Это благородные чудовища. Вам, конечно, известно, что один из них, ведомый лишь собственным своим разумом, достиг вечного блаженства, и порою можно видеть, как он круто выгибает доблестную грудь свою среди золотых облаков. За свои земные труды кентавр Хирон удостоился быть причисленным к лику блаженных. Он был воспитателем Ахиллеса; и этот юный герой, выйдя из-под начала кентавра, провел два года в девичьих одеждах, среди дочерей царя Ликомеда. Он разделял с ними игры и ложе, не дав повода хотя бы на мгновение заподозрить, что он не юная дева, подобная им. Хирон, воспитавший его столь добродетельным, – единственный праведник, если не считать императора Траяна, достигшего славы небесной соблюдением одного только естественного закона. А ведь Хирон был лишь наполовину человек.

Полагаю, этим примером я доказала, что можно достигнуть вечного блаженства, обладая хоть частью человеческого тела, лишь бы это была часть благородная. И неужели то, чего

достиг кентавр Хирон даже без обновляющей силы крещения, будет недостижимо для крещеных пингвинов, если только превратить их в полупингвинов-полулюдей?! А посему умоляю вас, Господи, даровать пингвинам старца Маэля человеческую голову и стан, дабы они могли достойным образом воздавать вам хвалу, и наделить их бессмертными душами, однако лишь небольшого размера.

Так говорила св. Екатерина, и Отцы Церкви, ученые богословы, исповедники и священнослужители сопровождали ее речь одобрительным шепотом.

Но св. Антоний, отшельник, поднявшись, воскликнул, простирая ко Всевышнему узловатые красные руки:

– Не делайте этого, Господи Боже мой! Заклинаю Духом Святым, не делайте этого!

В пылу речи он тряс длинной белой бородой, как голодная лошадь трясет подвешенной к морде пустую торбой.

– Не делайте этого, Господи! Да и птицы с человеческой головой – это уже существует. Воображение святой Екатерины не создало ничего нового.

– Воображение соединяет и сопоставляет, оно ничего не создает вновь, – сухо заметила св. Екатерина.

– ...Это уже существует, – продолжал св. Антоний, не желая ничего слушать. – Такие создания зовутся гарпиями, они – самые непристойные твари во всей вселенной. Однажды, когда у меня в пустыне ужинал игумен святой Павел, я накрыл стол у порога своей хижины, под сенью старой смоковницы. На ее ветви слетелись гарпии; они оглушали нас своим пронзительным криком и все время гадили нам в пищу. Несносные чудовища помешали мне выслушать поучения игумена святого Павла, и мы вкушали хлеб наш и латук вместе с птичьим пометом. Да как же поверить, чтобы гарпии могли достойно воздавать вам хвалу, о Господи!

Подвергаясь искушениям, я, конечно, видел немало существ, являвших собою самые странные помеси. Я видел не только женщин-змей и женщин-рыб, но еще более нелепые сочетания, как, например, людей с телами в виде кастрюли, колокола, башенных часов, поставца, полного съестных припасов и посуды, а то и целого дома с дверями и окнами, через которые можно было разглядеть обитателей, занятых домашней работой. Не хватит вечности, чтобы описать все чудовищные существа, осаждавшие меня в моем пустынножительстве, – от китов, оснащенных подобно кораблям, до целого ливня красных козляков, обращавших воду моего колодца в кровь. Но ни одна из этих тварей не была так отвратительна, как гарпии, спалившие своими испражнениями листву моей прекрасной смоковницы.

– Гарпии – чудовища женского пола с птичьим телом, – заметил Лактанций. – От женщины у них голова и грудь. Женская природа гарпий – источник их наглости, бесстыдства и похотливости, как показал поэт Вергилий в своей «Энеиде». Они сопричастны проклятию, тяготеющему над Евой.

– Не будем больше упоминать об этом проклятии, – сказал Господь. – Вторая Ева искупила грех первой.

Павел Орозий, автор «Всемирной истории», впоследствии нашедший подражателя в лице Боссюэ, поднялся и стал умолять Господа:

– Господи! Внемлите моим мольбам и мольбам Антония. Перестаньте измышлять чудовищ наподобие кентавров, сирен и фавнов, столь любезных грекам, собирателям всяких басен. Вам они не доставят ни малейшего удовлетворения. У таких чудовищ языческие наклонности, и, в силу двойственной природы своей, они не предрасположены к чистоте нравов.

Сладчайший Лактанций возразил на это следующим образом:

– Мы только что выслушали того, кто является в раю, несомненно, лучшим историком, поскольку Геродот, Фукидид, Полибий, Тит Ливий, Веллей Патеркул, Корнелий Непот, Светоний, Манефон, Диодор Сицилийский, Дион Кассий и Лампридий лишены лицезрения Божия, а Тацит подвергается в аду мукам, положенным за богохульство. Но Павел Орозий далеко не

так хорошо знает небеса, как землю. Ибо он не подумал о том, что ангелы, соединяющие в себе человеческое и птичье начала, – сама чистота.

– Мы отклонились от темы, – сказал Предвечный. – При чем тут ваши кентавры, гарпии, ангелы! Дело касается пингвинов.

– Воистину так, Господи, дело касается пингвинов! – воскликнул старейшина пятидесяти ученых мужей, при земной своей жизни поставленных в тупик александрийской девицей. – И я осмеливаюсь выразить мнение, что, дабы прекратить соблазн, смутивший даже небеса, необходимо, как предлагает святая Екатерина, некогда поставившая нас в тупик, даровать пингвинам старца Маэля человеческое тело половинной величины и вечную душу соответствующего размера.

После этой речи в собрании поднялся великий шум от всяких рассуждений и ученых споров. Греческие Отцы Церкви яростно спорили с римскими относительно сущности, природы и размеров души, которую надлежало дать пингвинам.

– Исповедники и священнослужители! – воскликнул Господь. – Не уподобляйтесь конклавам и синодам земным. Не переносите в церковь торжествующую те страсти, что смущают церковь воинствующую. Ибо следует признать, что на всех боговдохновенных соборах в Европе, Азии и Африке благочестивые отцы вцеплялись друг другу в борода. Но все же они были непогрешимы, ибо я пребывал с ними.

Порядок был восстановлен. Тогда встал старец Гермий и медленно заговорил:

– Слава тебе, Господи, за то, что твоим произволением мать моя Сафира родилась среди твоего народа в те дни, когда небесная роса освежала землю, готовую породить своего спасителя. И еще слава тебе, Господи, за то, что ты дал моим смертным очам увидеть апостолов твоего божественного сына. Произнесу слово свое в этом блестящем собрании, ибо, по воле твоей, устами смиренных глаголет истина. И скажу: преврати этих пингвинов в людей. Только такое решение достойно твоей справедливости и твоего милосердия.

Многие ученые мужи стали просить слова. Другие брали не спрашивая. Никто никого не слушал, и все исповедники шумно размахивали пальмовыми ветвями и венками.

Господь мановением десницы утихомирил своих избранных.

– Довольно! – сказал он. – Мнение, высказанное кротким старцем Гермием, одно только согласуется с моими извечными предначертаниями. Эти птицы будут превращены в людей. Предвижу немало осложнений. Многие из таких людей запятнают себя проступками, которые не были бы вменены им в вину, останься они птицами. В связи с превращением участь их, несомненно, будет менее завидна, чем она была бы без крещения и присоединения к семье Авраамовой. Но, как надлежит, мое предвидение не исключает их свободной воли. Дабы не стеснять человеческой свободы, я остаюсь в неведении о том, что знаю, я плотно завешиваю себе очи пеленой, мною самим разорванной, и, в слепой своей прозорливости, дивлюсь тому, что предвидел.

Затем, призвав к себе архангела Рафаила, сказал ему:

– Лети к святому мужу Маэлю, объясни ему, в какую он впал ошибку, и повели, чтобы именем моим он превратил пингвинов в людей.

Глава VIII

Превращение пингвинов

Спустившись на остров пингвинов, архангел застал святого мужа спящим в углублении между скал, среди своих новых учеников. Он положил ему руку на плечо и, пробудив его, сказал тихим голосом:

– Не бойся, Маэль!

Святой муж, ослепленный ярким светом, опьяненный дивным благоуханием, понял, что это ангел Господень, и простерся ниц.

И тогда ангел сказал:

– Узнай, Маэль, что ты впал в ошибку: думая окрестить детей Адамовых, ты окрестил птиц; и вот из-за тебя пингвины присоединены к церкви Божией.

Услышав это, старец остолбенел.

Ангел же продолжал:

– Встань, Маэль, вооружись всесильным именем Божиим и повели этим птицам: «Станьте людьми!»

И святой Маэль после слезной молитвы вооружился всесильным именем Божиим и повел птицам:

– Станьте людьми!

Тотчас вслед за этим пингвины преобразились. Лоб у них раздался в ширину, а череп стал выпуклым, как купол церкви Св. Марии Округлой, что в городе Риме. Удлиненные глаза их широко раскрылись на мир божий; мясистый нос облек щели ноздрей; клюв превратился в рот, и оттуда слышались слова; шея стала короче и толще, крылья преобразились в руки, а лапы – в ноги; грудь стала обиталищем беспокойной души.

Все же в них остались кое-какие следы первоначальной их природы. Они не утратили привычки поглядывать искоса; при ходьбе продолжали раскачиваться на своих коротких ножках; на теле у них сохранился легкий пушок.

Маэль возблагодарил Господа за присоединение этих пингвинов к семье Авраамовой.

Но он скорбел при мысли о том, что вскоре навсегда покинет этот остров и что без него, быть может, вера пингвинов, оставленная без попечения, погибнет, подобно слишком молодому и слишком слабому деревцу. И он задумал переместить их остров к берегам Арморики.

– Пути вечной премудрости Божией неисповедимы, – рассудил он. – Но если Богу угодно, чтобы остров был перемещен, кто может этому воспрепятствовать!

И изо льна епитрахили своей он сплел тоненькую веревку длиною в сорок футов. Одним концом веревки он обвязал вершушку скалы, торчавшей среди прибрежных песков, другой конец взял в руки и так вошел в свое каменное корыто. Корыто заскользило по морю и потащило остров пингвинов за собою. После девятидневного плавания оно вместе с островом благополучно достигло бретонских берегов.

Книга вторая Древние времена

Глава I Первые одежды

В тот день св. Маэль сел на берегу океана на камень и почувствовал, что камень горяч. Он решил, что это от солнца, и возблагодарил Создателя, не подозревая, что здесь только что сидел диавол.

Проповедник стал ждать прибытия ивернских монахов, коим поручено было доставить большой груз тканей и шкур, дабы одеть жителей острова Альки.

Вскоре он увидел, как на берег сошел монах по имени Магис с сундуком на спине. Монах этот славился святой жизнью.

Приблизившись к старцу, он поставил сундук на землю и сказал, отирая лоб рукавом:

– Так, значит, отец мой, вы хотите одеть своих пингвинов?

– Это крайне необходимо, сын мой, – отвечал ему старец. – С тех пор как пингвины присоединены к семье Авраамовой, они причастны проклятию, тяготеющему над Евой, и сознают свою наготу, чего раньше не было. Следует незамедлительно всех одеть, ибо у них уже сходит с тела пушок, оставшийся после превращения.

– Это верно, они голы, – сказал Магис, оглядывая берег, где пингвины были заняты ловлей креветок или собиранием ракушек, а то пели песни или спали. – Но как вы полагаете, отец мой, не лучше ли оставить их голыми? Зачем их одевать? Нося одежды и подчиняясь законам нравственности, они возгордятся, станут лицемерными и слишком жестокими.

– Неужели, сын мой, ты такого низкого мнения о законах нравственности! – со вздохом сказал старец. – Ведь им подчиняются даже язычники.

– Законы нравственности, – заметил Магис, – обязывают людей, каковые суть те же звери, жить не по-звериному, – это для них тягостно, но в то же время весьма лестно и успокоительно. А так как люди чванливы, трусливы и падки на удовольствия, они охотно подчиняются принуждениям нравственности, ибо это тешит их самолюбие и внушает им уверенность в нынешнем дне, а также надежду на будущее блаженство. Такова основа всякой нравственности... Но не будем отклоняться в сторону. Мои спутники сгружают на этот остров ткани и звериные шкуры. Пока есть еще время, подумайте хорошенько, отец мой! Решение одеть пингвинов может привести к весьма важным последствиям. В настоящее время, когда какой-нибудь пингвин пожелает пингвинку, ему точно известно, чего он желает, и его вождения ограничены вследствие ясного представления о вожденном. Вот и сейчас, на берегу, две-три четы пингвинов на солнышке предаются любви. Смотрите, с какой простотой это делается! Никто не обращает на них внимания, да и сами они не так уж увлечены всем этим. Но когда пингвинки облекут себя покровами, пингвины уже не так хорошо будут отдавать себе отчет в том, что же их привлекает. Их неясные желания превратятся в грезы и иллюзии – словом, отец мой, они познают любовь и ее безумные муки. А между тем пингвинки будут опускать глазки и поджимать губки с таким видом, как будто скрывают под своими одеждами некое сокровище... Тошно подумать!

Зло будет еще терпимо, пока жизнь этих племен останется грубой и скудной; но погодите, отец мой, через какую-нибудь тысячу лет вы увидите, сколь опасным оружием снабдили вы дочерей Альки. Если позволите, я вам заранее покажу это наглядно. В сундуке у меня имеются

кое-какие тряпки. Подзовем любую из этих пингвинок, на которых пингины обращают сейчас так мало внимания, и постараемся по возможности принарядить ее.

Да вот какая-то пингвинка идет в нашу сторону. Она ни красивей, ни безобразней других. Молодая. Никто на нее и не взглянет. Она беспечно бродит среди прибрежных скал, ковыряя в носу и почесываясь ниже поясицы. Сами видите, отец мой, плечи у нее узкие, груди обвислые, живот жирный, желтый, ноги короткие. Колени красные и при каждом шаге образуют морщины, словно это гримасничают две обезьяньи мордочки. Жилистые растопыренные ступни цепляются за скалы четырьмя крючковатыми пальцами, а большие пальцы ног торчат кверху, словно две змеи, настороженно поднявшие головы. Она всецело занята ходьбой; все ее мышцы напряжены в этой работе. И, видя ее тело в действии, мы получаем впечатление, что это машина, предназначенная больше для ходьбы, чем для любви, хотя, совершенно очевидно, она пригодна и для того и для другого, обладая вдобавок еще рядом разных приспособлений. Посмотрите же, досточтимый отец проповедник, что я из нее сделаю!

При этих словах монах Магис в три прыжка настигает пингвинку, хватая ее поперек тела, тащит, подметая ее волосами землю, и бросает, охваченную ужасом, к ногам святого Маэля.

Она плачет, умоляет пощадить ее, а Магис меж тем вынимает из сундука пару сандалий и приказывает ей примерить их.

– Стянутые шерстяными тесемками, ее ступни будут казаться меньше, – пояснил он старцу. – Благодаря подошвам толщиной в два пальца ноги у нее изящно удлинятся, и она приобретет величественную осанку.

Завязывая на ногах сандалии, пингвинка с любопытством бросила взгляд в открытый сундук и, видя, что он полон нарядов и драгоценностей, улыбнулась сквозь слезы.

Монах свернул ее волосы узлом на затылке и надел ей на голову шляпу с цветами. Руки ее он украсил золотыми запястьями, а затем, поставив ее перед собою, опоясал широкой льняной повязкой, утверждая, что это придает бо́льшую пышность груди, гибкость стану и округлость бедрам.

Вынимая изо рта булавку за булавкой, он принялся закалывать на пингвинке пояс.

– Можно чуть потуже, – сказала она.

Старательно и умело придав форму дряблым грудям пингвинки, он надел на нее розовую тунику, мягко обрисовавшую линии тела.

– Хорошо ли сидит? – спросила пингвинка. Изогнувшись, повернув голову набок и уперев подбородок в плечо, она внимательно изучала фасон своего туалета.

Магис спросил, не находит ли она, что платье длинновато, но пингвинка с уверенностью отвечала, что нисколько не длинновато и что она будет подбирать его рукою.

И тотчас же левой рукой подхватила юбку сзади, обтянула ее на себе повыше икр, притом так, чтобы были чуть-чуть видны пятки. Затем она удалилась мелкими шажками, покачивая бедрами. Она не оборачивалась по сторонам, но, проходя мимо ручья, краешком глаза поглядела на свое отражение.

Какой-то пингвин, которому она попалась навстречу, остановился в изумлении, потом, повернув назад, пошел за нею. Все время, пока она шла по берегу, пингины, возвращаясь с рыбной ловли, подходили к ней, глядели во все глаза и поворачивали за нею следом. Лежавшие на песке поднимались с места и присоединялись к толпе.

При ее приближении все новые и новые пингины спускались к ней с горных тропинок, выходили из расщелин между скалами, появлялись из воды, так что свита ее непрестанно росла. И все они – зрелые мужчины с могучими плечами и волосатой грудью, гибкие юноши, старики с розовыми морщинистыми телами, поросшими седой щетиной и трясущимися на ходу, или с заплетающимися ногами, тоньше, суше той можжевелевой палки, что служила им в

качестве третьей ноги, – все спешили к пингвинке, задыхаясь, издавая острый запах и громко сопя. Но она оставалась спокойной, словно ничего не замечала.

– Отец мой, – воскликнул Магис, – полюбуйте, как все они шагают за ней, нацелившись носами в сферический центр сей молодой особы, – а все оттого, что он прикрыт розовой тканью. Своими разнообразными свойствами шар вызывает у геометров немало размышлений. А если он принадлежит к миру телесному и живому, то приобретает новые качества. И для того чтобы пингвинам открылось полностью все значение этого геометрического тела, понадобилось, чтобы они перестали отчетливо воспринимать его своим зрением и вынуждены были представлять себе в уме. Да, чувствую, что и меня самого неудержимо повлекло к этой пингвинке. Потому ли, что юбка придала необходимую выпуклость ее задку и, сочетая в нем простоту с величием, облекла его синтетическим, обобщающим смыслом, выявила в нем лишь чистую идею, лишь божественный принцип, – не знаю, но мне кажется, если я обниму ее, то достигну вершины чувственной радости. Несомненно, стыдливость делает женщин непреодолимо заманчивыми. Я полон такого волнения, что не в силах его скрывать.

При этих словах, бесстыдно подняв полы своего одеяния, он устремляется к толпе пингинов, оттесняет их в сторону, расшвыривает, опрокидывает на землю, топчет их ногами, наконец нагоняет дочь Альки, обхватывает руками ее розовый сфероид, привлекавший к себе взгляды и желания целого племени, – и она, уносимая монахом, внезапно скрывается в прибрежной пещере.

Тут пингвинам показалось, будто солнце померкло. А св. Маэль понял, что это диавол обернулся монахом Магисом, чтобы дать одежду дочери Альки. Плотское искушение овладело и самим старцем, и душа его впала в скорбь. Медленно возвращаясь к своему отшельническому жилищу, он видел, как маленькие пингиночки, лет шести-семи, не больше, плоскогрудые и тонконогие, опоясались повязками из морских водорослей и разгуливают по берегу, поглядывая, не идут ли за ними мужчины.

Глава II

Первые одежды

(Продолжение и окончание)

Святой Маэль был до глубины души огорчен тем, что первые покровы, надетые на дочь Альки, нанесли только вред целомудрию пингинов, а отнюдь не послужили ему на пользу. Однако он упорно оставался при своем намерении одеть обитателей чудесного острова. Создав их на берег, он роздал им привезенную ивернскими монахами одежду. Пингины получили штаны и короткие туники, пингвинки – длинные платья. Но платья эти произвели далеко не столь сильное впечатление, как туалет той пингвинки. Они были не такие красивые, покрой у них был простой, неизящный, и никто на них не обращал внимания, потому что их можно было видеть на всех. Так как пингвинки занимались стряпней и работали в поле, у них скоро остались одни грязные кофты да измызганные юбки. Пингины взваливали на несчастных своих подруг непосильную работу, так что те уподоблялись рабочему скоту. Пингины не знали сердечных волнений и порывов страсти. Нравы их были безыскусственны. Нередкое среди них кровосмешение отличалось сельской простотой, и если какому-нибудь молодому парню случалось в пьяном виде совершить насилие над собственной бабушкой, то на следующий день он об этом уже не помнил.

Глава III

Межевание полей и возникновение собственности

Остров пингвинов отнюдь не сохранял того сурового вида, как во времена, когда, окруженный плавучими льдами, он в скалистом амфитеатре своем давал приют бесчисленному птичьему населению. Гора, некогда высоко возносившая свою снежную вершину, осела, превратившись в небольшую возвышенность, с которой можно было видеть берега Арморики, окутанные вечным туманом, и океан, усеянный угрюмыми скалами, выглядывавшими из водных глубин, подобно неким чудовищам. Берега, более плоские, чем прежде, были глубоко изрезаны, так что остров стал похож на лист тутового дерева. Он вдруг порос солоноватой травой, до которой так лакомы стада, ивами, могучими смоковницами и величественными дубами. Об этом имеются свидетельства у Беды Достопочтенного и у многих других авторов, заслуживающих полного доверия.

На севере берег образовывал глубокую бухту, где впоследствии возник порт, один из самых прославленных во всем мире. На востоке, вдоль берегов, где, набегая на скалы, пенились морские валы, простиралась пустынная низменность, поросшая благовонными травами. Это был Берег Теней, куда островитяне не отваживались проникать, опасаясь змей, гнездившихся в расщелинах скал, и боясь встретить души умерших, скользившие там бледными языками пламени. На юге плодовые сады и рощи окаймляли теплую Гагарью бухту. На этом благословенном берегу старец Маэль поставил церковь и деревянную монастырскую обитель. На западе две речки, Кланж и Сюрель, орошали плодородные долины – Дальскую и Домбскую. И вот однажды, осенним утром, прогуливаясь по берегу Кланжа с одним ивернским монахом по имени Буллок, блаженный Маэль увидел, что по дорогам движутся отряды разъяренных людей, вооруженных камнями. В то же самое время он слышал со всех сторон крики и стоны, поднимавшиеся из долины к спокойным небесам.

И он сказал Буллоку:

– С грустью замечаю, сын мой, что, с тех пор как жители острова превратились в людей, они стали вести себя менее разумно, чем прежде. Будучи птицами, они ссорились друг с другом только в пору любви. А теперь они враждуют во всякое время, готовые вступать в драку зимою и летом. Где то величавое спокойствие, которое некогда господствовало на собрании пингвинов, придавая ему сходство с сенатом мудро устроенного государства!

Взгляни, сын мой Буллок, в сторону Сюрели. Там, посреди свежей зелени долины, двенадцать пингвинов заняты тем, что убивают друг друга лопатами и мотыгами, вместо того чтобы обрабатывать ими землю. А женщины, еще более жестокие, чем мужчины, ногтями раздирают лицо своим врагам. Увы, сын мой Буллок, почему они истребляют друг друга?

– Из чувства общности, отец мой, и в предвидении будущего, – отвечал Буллок. – Ибо человек по природе своей существо предусмотрительное и общественное. Таков его характер. Человек не представляет себе существование без приобретения собственности. Эти пингвины, учитель, заняты тем, что приобретают землю.

– Но разве нельзя приобретать ее без такого насилия? – спросил старец. – Сражаясь друг с другом, они обмениваются бранью и угрозами. Я не разбираю слов, но в голосах слышен гнев.

– Они обвиняют друг друга в воровстве и захватничестве, – отвечал Буллок. – Таков основной смысл их пререканий.

В это мгновение св. Маэль, всплеснув руками, испустил глубокий вздох.

– Смотри, сын мой, – воскликнул он, – смотри, как яростно вон тот пингвин впился зубами в нос своего поверженного противника, а другой мозжит голову женщине огромным камнем!

– Вижу, – отвечал Буллок. – Они заняты тем, что создают право, устанавливают собственность, утверждают основы цивилизации, устои общества и законы.

– Каким же это образом? – спросил старец Маэль.

– Межуя свои поля. Это начало всякого общественного порядка. Твои пингины, учитель, выполняют величайшую задачу. Дело их будет на протяжении веков освящено законоведами, поддержано и утверждено судьями.

Пока монах Буллок говорил это, какой-то крупный пингвин, белокожий и рыжий, спустился в долину, неся на плече ствол дерева. Приблизившись к черному от загара маленькому пингвину, поливавшему свой латук, он крикнул ему:

– Твое поле принадлежит мне!

Произнеся эти властные слова, он ударил маленького пингвина дубиной по голове, и тот пал мертвым на землю, возделанную его собственными руками.

При таком зрелище св. Маэль задрожал всем телом и пролил обильные слезы.

И голосом, сдавленным от страха и отвращения, он вознес к небесам такую молитву:

– Господи Боже мой! Ты, приявший жертву Авеля и предавший Каина проклятию, отмсти, Господи, за этого пингвина, без вины убиенного на поле своем, да почувствует убийца тяжесть десницы твоей. Ибо есть ли, о Господи, более гнусное злодеяние, более тяжкое оскорбление правосудию твоему, чем сие убийство и сей грабеж?

– Имейте в виду, отец мой, – кротко возразил ему Буллок, – то, что вы называете убийством и грабежом, не что иное, как война и завоевание, священные основы империй, источники всех доблестей и всего величия человеческого. В особенности подумайте о том, что, порицая большого пингвина, вы нападаете на собственность в самом ее зарождении и сущности. Я без труда докажу вам это. Возделывать землю – одно, владеть ею – совсем другое. Эти явления не следует смешивать. В области собственности право первого заимщика весьма неопределенно и юридически слабо обосновано. Право завоевателя, напротив, покоится на прочном основании. Только оно достойно уважения, ибо только оно принуждает уважать себя. Собственность имеет своим единственным и достославным источником силу. Сила порождает собственность, и она же охраняет ее. Поэтому собственность священна и уступает только большей силе. Вот почему справедливо утверждение, что, кто владеет собственностью, тот благороден. И этот высокий рыжий человек, убивая земледельца, дабы завладеть его полем, положил начало одному из благороднейших родов своей страны. Пойду поздравить его.

И Буллок подошел к высокому пингвину, который, опираясь на свою палицу, стоял у окровавленной борозды.

И, поклонившись ему в пояс, промолвил:

– Грозный владыка, великий Греток, я пришел воздать вам уважение как основателю законной власти и родового богатства. Зарытый в вашей земле череп жалкого пингвина, поверженного вами, останется вечным доказательством священных прав ваших потомков на эту землю, облагороженную вами. Счастливы дети ваши и дети детей ваших. Они будут носить имя Гретоков, герцогов Скалльских, и будут править островом Алькой.

Затем, повернувшись к святому старцу Маэлю, громко прибавил:

– Отец мой, благословите Гретока. Ибо всякая власть от Бога.

Маэль стоял, не двигаясь, безмолвно подняв глаза к небу; доктрина монаха Буллока вызвала в нем горькие сомнения. И, однако, именно этому учению суждено было торжествовать в эпохи высокой цивилизации. Буллока можно считать создателем гражданского права в Пингвинии.

Глава IV

Первое собрание генеральных штатов Пингвинии

– Сын мой Буллок, – сказал старец Маэль, – надобно произвести перепись пингвинов и внести их всех в книгу.

– Это необходимо, – отвечал Буллок. – Без переписи невозможно никакое управление.

И тотчас же проповедник с помощью двенадцати монахов приступил к всенародной переписи.

Потом старец Маэль сказал:

– Теперь, когда у нас есть списки жителей острова, сын мой Буллок, следует установить справедливые налоги, дабы иметь средства на общественные расходы и на содержание монастыря. Каждый должен облагаться сообразно своему достатку. Поэтому, сын мой, созови алькских старейшин, и совокупно с ними мы установим налоги.

Старейшины, числом тридцать, собрались во дворе деревянного скита, под большой смоковницей. Это было первое собрание пингвинских Генеральных штатов. На три четверти оно состояло из богатых крестьян с берегов Сюрели и Кланжа. Греток, как самый знатный среди пингвинов, сидел на самом высоком камне.

Преподобный Маэль, заняв место посреди своих монахов, обратился к собравшимся со следующим словом:

– Дети мои, Господь наш своим соизволением дает людям богатство и отнимает его. И вот я собрал вас здесь, дабы совместно с вами наложить на народ наш подати для получения средств на общественные нужды и на содержание монахов. Подати эти, я полагаю, надлежит взимать сообразно достатку каждого. Так, имеющий сто быков отдаст из них десять, имеющий десять – одного.

Когда святой муж окончил свою речь, поднялся Морио, земледелец из Аниса-на-Кланже, один из самых богатых пингвинов, и сказал:

– О, отец мой Маэль! Я признаю, что совершенно справедливо брать с каждого на общественные расходы и церковные нужды. Уж я-то готов лишиться всего своего имущества ради братьев моих пингвинов, рубашку с себя и ту готов отдать. Все старейшины народные тоже согласны пожертвовать своими богатствами. Кто усомнится в их преданности своей стране и вере! Поэтому надо считаться только с общественной пользой и все подчинить ее требованиям. И вот, отец мой, общественная польза требует, она предписывает не брать много с тех, кто многим владеет, ибо тогда богатые станут менее богаты, а бедные – еще бедней. Ведь бедные питаются добром богатых, поэтому богатство священо. Не трогайте его, это бесполезная суровость! Отнимая у богатых, вы не получите никакой выгоды: ведь богатых немного; напротив, вы лишитесь последнего, так как страна впадет в нищету. Между тем если вы обратитесь за небольшой помощью к каждому из жителей острова, независимо от достатка, то собранного хватит на общественные нужды, и вы избавитесь от необходимости разуживать о доходах граждан, которых подобного рода расследования способны глубоко задеть. А накладывая тяготы в небольших размерах на всех равномерно, вы пощадите неимущих, потому что оставите им такую подмогу, как богатство имущих. Да и возможно ли распределять налог в зависимости от достатка! Вчера у меня было двести быков, сегодня их шестьдесят, а завтра будет сто. Ключник владеет тремя коровами, но тощими; Никкю – только двумя, зато жирными. Кто же из них богаче – Ключник или Никкю? Признаки благосостояния очень обманчивы. Несомненно только одно: каждый ест и пьет. Вот и установите налог на еду и питье. Это будет мудро и справедливо.

Так сказал Морио, и старейшины рукоплескали ему.

– Эта речь достойна быть запечатленной на бронзовых таблицах! – воскликнул монах Буллок. – В ней – завет будущим поколениям; через полторы тысячи лет лучшие среди пингвинов будут высказываться точно таким же образом.

Еще не стихли рукоплескания старейшин, как Греток, положив руку на рукоять меча, объявил без лишних слов:

– Я благороден и налога платить не буду, платить налог неблагородно. Пусть платит чернь.

Выслушав это, старейшины молча разошлись.

Так же, как было в Риме, перепись стали производить в Пингвинии каждые пять лет, и благодаря этому было установлено, что народонаселение быстро растет. Несмотря на необычайную детскую смертность, несмотря на то что голод и моровая язва то и дело, с поразительной настойчивостью, опустошали целые селения, новые пингвины, все более многочисленные, содействовали своей личной нищетой общественному процветанию.

Глава V

Брак Кракена и Орброзы

В те времена жил на острове Альке один сильный и хитрый пингвин по имени Кракен. Он поселился в пещере на Берегу Теней, куда жители острова никогда не отваживались ходить, опасаясь змей, гнездившихся в расщелинах скал, и боясь встретить души пингвинов, умерших некрещеными; эти души блуждали по мрачному берегу, похожие на бледные языки пламени, испуская протяжные стоны. Все полагали, неизвестно почему, что среди пингвинов, превращенных блаженным Маэлем в людей, некоторые не получили крещения и теперь, после смерти, бродят по берегу и плачут под завывания бури. На этом диком берегу и поселился Кракен в неприступной пещере. В нее можно было проникнуть только через естественный подземный ход длиной в сто футов, скрытый в лесной чаще.

Но вот как-то вечером Кракен шел по пустынному полю и вдруг встретил прелестную молодую пингвинку. Это была та самая, которую некогда своими руками одел монах Магис, первая среди пингвинок, стыдливо прикрывшая свою наготу. В память о дне, когда восхищенная толпа пингвинов следила за ее торжествующим бегом в платье цвета зари, эта дева получила имя Орброзы⁶.

При виде Кракена она испустила крик ужаса и бросилась бежать. Но герой схватил ее за развевающиеся одежды и обратился к ней со словами:

– Дева, скажи мне, как тебя зовут, какого ты рода, из какой страны?

Однако Орброза смотрела на Кракена по-прежнему с ужасом.

– Вы ли сами передо мною, господин мой, или это ваша беспокойная душа? – с трепетом спросила она.

Она говорила так потому, что жители Альки, ничего не зная о Кракене с тех пор, как он поселился на Берегу Теней, думали, что он умер и стал ночным духом.

– Не бойся, дочь Альки, – отвечал Кракен. – С тобой говорит не блуждающая душа, но сильный и могущественный человек. Скоро я буду владеть огромным богатством.

И юная Орброза спросила:

– Как же рассчитываешь ты приобрести огромное богатство, о Кракен? Ведь ты только пингвин.

– Я достигну этого при помощи своего ума, – отвечал Кракен.

---

⁶ Orbe – поэтическое название шара в применении к небесным телам. В широком смысле слова – всякого рода шарообразное тело (*Литтре*). – *Примеч. авт.*

– Да, я знаю, – сказала Орброза, – живя среди нас, ты славился своею ловкостью как рыболов и охотник. Никто не может с тобою сравняться в искусстве ловить рыбу сетью или пронзать стрелою быстролетных птиц.

– Это занятия низкие и утомительные, о юная дева. Я открыл способ приобрести большое богатство, не изнуряя себя трудом. Но скажи мне, кто ты?

– Меня зовут Орброзой, – отвечала юная дева.

– Почему же ты оказалась в ночную пору так далеко от своего жилища?

– На то была воля неба, Кракен.

– Что это значит, Орброза?

– Это значит, что само небо, о Кракен, поставило меня на твоём пути с неведомой мне целью.

Кракен долго смотрел на нее в странном молчании. Потом вдруг ласково промолвил:

– Войди в мой дом, Орброза. Это дом самого искусного и самого храброго среди сынов Пингвинии. Если ты пойдешь за мною, то станешь моей подругой.

Тогда, опустив глаза, она прошептала:

– Я пойду за вами, господин мой.

Так прекрасная Орброза стала подругой героя Кракена. Этот брак не был ознаменован торжественными песнопениями при свете факелов, потому что Кракен не хотел показываться пингвинскому народу: укрывшись в своей пещере, он создавал великие замыслы.

Глава VI

Алькский дракон

Потом пошли осматривать кабинет естествоведения. Хранитель показал мне какую-то соломенную плетенку, сообщив, что в ней находятся кости дракона. «Доказательство, что дракон – существо отнюдь не баснословное», – прибавил он.

Мемуары Джакомо Казановы, т. IV.
Париж, 1843, с. 404, 405.

Между тем обитатели Альки предавались мирным трудам. Те, кто жил на северном побережье, ездили на лодках ловить рыбу и собирать ракушки. Домбские земледельцы сеяли овес, рожь и пшеницу. В Дальской долине богатые пингвины разводили домашний скот, а жители Гагарей бухты занимались садоводством. Купцы из Порт-Альки вели с Арморикою торговлю соленой рыбой. Бретонское и британское золото, проникая на остров, облегчало торговые сношения. Пингвинский народ спокойно наслаждался плодами своих трудов, как вдруг зловещая молва побежала из селенья в селенье. Всюду сразу стало известно, что ужасный дракон дотла разорил две фермы в Гагарей бухте.

А за несколько дней до того пропала дева Орброза. Ее хватились не сразу, так как и прежде то один, то другой сильный мужчина, восплавав к ней любовью, похищали ее. И пингвинские мудрецы не удивлялись этому: ведь она была прекраснейшей из дев Пингвинии. Было замечено, что иногда она даже шла навстречу своим похитителям: ведь от судьбы не уйдешь. Однако на этот раз, видя, что ее нет и нет, все испугались: уж не сожрал ли ее дракон?

Вместе с тем жители Дальской долины вскоре убедились, что этот дракон не пустая выдумка женщин, любящих поболтать у источника. Ибо однажды ночью в деревне Анис чудовище сожрало шесть кур, барана и сиротку-мальчика по имени Эло. Наутро от похищенных не осталось и следа.

Сельские старейшины немедленно собрались на площади Совета и, усевшись на каменную скамью, стали обсуждать, что делать в подобных ужасных обстоятельствах. И, призвав к себе всех, кто видел дракона в эту зловещую ночь, спросили их:

– Заметили ли вы, каков он видом и что у него за повадки?

И все по очереди отвечали:

– У него львиные когти, орлиные крылья и змеиный хвост.

– На спине у него щетинистый гребень.

– Весь он покрыт желтой чешуей.

– Взгляд его зачаровывает и поражает, как молния. Из пасти его извергается пламя.

– Он заражает воздух своим дыханием.

– У него голова драконья, когти львиные, хвост как у рыбы.

Но одна жительница Аниса, слышавшая женщиной положительной и разумной, – та самая, у которой дракон похитил трех кур, – сообщила следующее:

– С виду он совсем как человек. Я даже обозналась и подумала было, что это мой мужек, так что сказала ему: «Иди ты спать, дурачина!»

Другие говорили:

– Он вроде облака.

– Он словно гора.

А какой-то ребенок пришел и сказал:

– Я видел, как у нас в риге дракон снял с себя голову, чтобы поцеловать мою сестрицу Минни.

И еще спрашивали старейшины:

– Какой величины был дракон?

Им отвечали:

– Как бык.

– Как большие торговые корабли бретонцев.

– Ростом с человека.

– Выше смоковницы, под которой вы сидите.

– Не больше собаки.

На вопрос, какого он цвета, жители отвечали:

– Красного.

– Зеленого.

– Синего.

– Желтого.

– Голова у него совсем зеленая, крылья ярко-оранжевые, с розовым отливом и серебристо-серыми краями; зад и хвост в коричневую и розовую полоску; живот ярко-желтый в черную крапинку.

– Какого он цвета?.. Бесцветный!

– Цвет у него драконий.

Услышав эти показания очевидцев, старейшины пребывали в недоумении, что же надлежит предпринять. Одни предлагали подстеречь дракона, напасть на него и пронзить множеством стрел. Другие, считая безнадежным противиться столь могучему чудовищу, советовали умиротворить его приношениями.

– Будем платить ему дань, – сказал один из них, пользовавшийся славой мудреца. – Мы можем умиловить его дарами – вином, плодами, ягнятами, юной девственницей.

Наконец, третьи советовали отравить источники, из которых он обычно пьет, или напустить дыма в его пещеру, чтобы он там задохся.

Но ни одно из этих мнений не возобладало. Долго тянулись споры, и старейшины разошлись, так и не приняв никакого решения.

Глава VII

Алькский дракон

(Продолжение)

Весь месяц, посвященный римлянами их ложному богу Марсу, или Маворсу, дракон разорял дальские и домбские фермы; он уволок пятьдесят баранов, двенадцать свиней и трех мальчиков. Все семьи были в горе, и остров оглашался жалобными воплями. Чтобы заклинаниями избавиться от всеобщего бедствия, старейшины несчастных селений, орошаемых Кланжем и Сюрелью, уговорились собраться и сообща идти за помощью к блаженному Маэлю.

На пятый день месяца, название которого на языке латинян означает «открытие», потому что с него начинается год, процессия старейшин подошла к деревянному скиту, возвышающемуся на южном берегу острова. Впущенные в ограду, они огласили обитель стонами и рыданиями. Тронутый их жалобами, старец Маэль покинул монастырский покой, где предавался занятиям астрономией и размышлениям над Священным Писанием, и спустился к ним, опираясь на свой пастырский посох. Старейшины при виде его простерлись ниц, протягивая к нему зеленые ветви. А некоторые стали курить благовонными травами.

И святой муж, сев у монастырского колодца, под древней смоковницей, обратился к ним с таким словом:

– О, дети мои, потомки пингвинов, почему предаетесь вы плачу и стенаниям? Почему протягиваете ко мне с мольбою эти ветви? Почему возносите к небесам благовонные курения? Надеетесь ли вы, что я отвращу от вашей главы некое несчастье? О чем умоляете вы меня? Я готов жизнь мою отдать за вас. Скажите же мне, чего ждете вы от своего отца?

На его вопросы ответил первый из старейшин:

– О, Маэль, отец детей алькских! Дозволь мне говорить от имени всех. Ужасный дракон опустошает наши поля, уводит наш скот и уносит к себе в логово цвет нашего юного потомства. Он пожрал маленького Эло и еще семь мальчиков. Он растерзал своими хищными зубами деву Орброзу, прекраснейшую из пингвинок. Ни одно селение не может уберечься от его смертоносного дыхания и опустошительных набегов.

Подвергаясь столь страшному бедствию, мы обращаемся с мольбою к тебе, о Маэль, дабы ты, мудрейший, пришел на помощь жителям острова и не дал прекратиться древнему роду пингвинов!

– О первый из алькских старейшин, – отвечал Маэль, – слова твои погружают меня в глубокую скорбь, и я сокрушаюсь при мысли о том, что над вашим островом свирепствует жестокий дракон. Случай сей не единственный, и в книгах можно найти немало рассказов о свирепых драконах. Эти чудовища водятся большей частью в пещерах, у воды и главным образом среди языческих народов. Может быть, некоторые из вас, хотя и получили святое крещение и были причислены к семье Авраамовой, продолжали все же поклоняться идолам, по примеру древних римлян, или же вешали разные изображения, обетные таблички, шерстяные повязки и гирлянды цветов на ветви какого-нибудь священного дерева. А то еще, может быть, пингвинки плясали вокруг волшебного камня и пили воду из источников, где обитают нимфы. Если это так, то следует думать, что Господь Бог наслал на вас дракона, дабы покарать всех за преступления некоторых и побудить вас, о сыновья пингвинов, уничтожить в вашей среде кощунство, суеверие и нечестие.

А потому укажу вам на спасительное средство против постигнувшей вас беды: тщательно разыскивайте и искореняйте следы идолопоклонства у себя в жилищах. И еще, полагаю, помогут вам молитва и покаяние.

Так сказал святой старец Маэль. И старейшины пингвинского народа, облобызав стопы его, вернулись обнадеженные в свои селения.

Глава VIII

Алькский дракон

(Продолжение)

Следуя советам св. Маэля, жители Альки стали усердно искоренять суеверия, зародившиеся среди пингвинов. Они следили за тем, чтобы пингвинские девушки не ходили больше танцевать вокруг дерева фей, произнося заклинания. Они сурово запретили молодым матерям прикладывать своих младенцев, для придания им силы, к камням, воздвигнутым в полях. Один домбский старец, занимавшийся предсказаниями по ячменным зернам, которые он встряхивал на сите, был брошен в колодезь.

Но чудовище продолжало еженощно опустошать птичники и стойла. Перепуганные крестьяне, ложась спать, заваливали двери изнутри, кто чем мог. Одна беременная женщина, выглянув в слуховое окно и увидев на дороге, голубой от лунного света, тень дракона, так испугалась, что тут же выкинула раньше срока.

В эти дни испытаний св. Маэль непрестанно размышлял о природе дракона и способах его одолеть. После полугода изысканий и молитв ему показалось, что он нашел то, что искал. Однажды вечером, прогуливаясь по берегу моря вместе с молодым монахом по имени Самуил, он изложил ему свою мысль в следующих словах:

– Я долго изучал историю и нравы драконов – не из пустого любопытства, но в надежде найти примеры, поучительные в нынешних обстоятельствах. Такова польза, приносимая историей, сын мой Самуил.

Известно, что драконы отличаются поразительной способностью непрестанно бодрствовать. Они никогда не спят. Поэтому им часто поручают охранять сокровища. Так, дракон охранял в Колхиде золотое руно, пока оно не было захвачено с боя Ясоном. Другой дракон стерег золотые яблоки в садах Гесперид. Он был убит Гераклом и превращен Юноной в небесное созвездие. Об этом рассказано в книгах; если это правда, то тут действовала магия, ибо языческие боги – в действительности диаволы. Еще один дракон не позволял людям, грубым и невежественным, пить из Кастальского ключа. Следует упомянуть также дракона Андромеды, убитого Персеем.

Но оставим языческие басни, где к истине постоянно примешиваются заблуждения. Мы обнаруживаем драконов и в повествовании о преславном архангеле Михаиле, о святых Георгии, Филиппе, Иакове Старшем, Патрике, о святых Марфе и Маргарите. В этих-то рассказах, достойных всяческого доверия, надлежит нам искать утешительных советов.

Так, история силенского дракона может послужить нам драгоценным примером. Надобно знать тебе, сын мой, что на берегу обширного озера, неподалеку от города Силены, жил страшный дракон, который время от времени приближался к городским стенам и отравлял своим дыханием воздух предместий. И чтобы дракон не пожрал всех жителей Силены, они каждое утро отдавали ему одного на съедение. Кого назначить в жертву, метали жребий. И вот в конце концов жребий пал на царскую дочь.

Но святой Георгий, который был военным трибуном, приехав в город Силену, узнал, что царскую дочь только что отвели к дракону. Он тотчас же снова вскочил на коня и, вооружившись копьем, помчался вослед дракону, которого застиг в то мгновение, когда чудовище уже готово было сожрать царственную деву. Когда же святой Георгий поверг дракона на землю, царская дочь обвязала шею зверя своим поясом, и он последовал за нею, словно собака на поводке.

Из этого примера видно, как сильна власть дев над драконами. История святой Марфы может служить еще более убедительным тому доказательством. Знаешь ли ты ее историю, сын мой Самуил?

– Да, отец мой, – отвечал Самуил.

И блаженный Маэль продолжал:

– На берегах Роны, между Арлем и Авиньоном, жил в лесу дракон, полужверь-полурыба, больше быка величиной, с острыми, как рога, зубами и с большими крыльями. Он топил корабли и пожирал всех, кто плыл на них. И вот святая Марфа, вняв мольбам народа, пошла к дракону, который в это время пожирал какого-то человека. Она повязала своим поясом шею чудовища и без труда привела его в город.

Эти два примера внушают мне мысль прибегнуть к могуществу какой-либо девы, дабы победить дракона, сеющего ужас и смерть на острове Алька.

А потому, сын мой Самуил, тебе надлежит препоясать чресла твои и обойти с двумя спутниками все селения острова, оповещая о том, что только непорочная дева может спасти остров от чудовища, истребляющего народ.

Пой псалмы и гимны и возглашай повсюду: «О, сыновья пингвинов! Если есть у вас чистая дева, да поднимется она и, осенив себя крестным знамением, да поспешит одолеть дракона».

Так сказал старец, и юный Самуил обещал исполнить его повеление. На другой день он препоясал чресла свои и пустился в дорогу с двумя спутниками, дабы возвестить жителям Альки, что только непорочная дева способна освободить пингвинов от ярости дракона.

Глава IX

Алькский дракон

(Продолжение)

Орброза любила своего супруга – но не только его. В час, когда на бледном небе загоралась Венера, а Кракен наводил ужас на деревни, она спешила в маленький домик на колесах, где ее ждал молодой дальский овчар по имени Марсель, таивший в изящном теле своем неистощимую силу. Прекрасная Орброза предавалась наслаждениям, разделяя с пастухом благоухающее травами ложе. Но, отнюдь не желая открывать ему свое настоящее имя, она назвалась Бригитой и выдавала себя за дочь садовника из Гагарей бухты. Когда, с сожалением вырвавшись из его объятий, она шла по дымящимся туманами лугам к Берегу Теней и невзначай встречала какого-нибудь запоздалого крестьянина, то принималась помахивать покрывалом, словно большими крыльями, и кричала громким голосом:

– Прохожий, опусти взор, дабы не пришлось тебе говорить потом: «Увы! Увы! Горе мне, ибо я видел ангела Господня!»

Крестьянин, дрожа, повергался ниц. И на острове стали поговаривать, что ночью по дорогам ходят ангелы и кто их увидит, тот умрет.

Кракен ничего не знал о любовных утехх Орброзы и Марселя, ибо он был герой, а герои не догадываются о проделках своих жен. Но, не подозревая об этой любви, он наслаждался ее благотворными последствиями. Возвращаясь к своей подруге, он видел, что с каждой ночью она становится все более радостной и прекрасной, что она так и дышит сладострастием, распространяя вокруг себя на супружеском ложе чудесное благоухание дикого укропа и вербены. Она любила Кракена любовью, которая была беззаботна и не слишком требовательна, так как распространялась не на него одного.

И счастливая неверность Орброзы вскоре спасла героя от большой опасности, навсегда утвердив его благополучие и славу. Ибо, повстречав в сумерках одного бельмотского волопаса, который подгонял своих волов стрекалом, она полюбила его еще сильнее, чем овчара Марселя. Он был горбат, голова у него ушла по уши в плечи, колченогое тело раскачивалось из стороны в сторону, злые косые глаза дико глядели из-под всклокоченных волос. Говорил он грубым

голосом, смеялся пронзительно и резко; от него пахло хлебом. Но ей он показался прекрасным. Одному полюбилось растение, другому – река, третьему – животное, как сказал Гнатон.

И вот однажды в деревенском амбаре, вздыхая и предаваясь истоме в объятиях волопаса, она вдруг услышала звуки рожка, топот толпы и гул голосов; выглянула в слуховое окно и увидела, что на рыночной площади собрались жители селения и обступили какого-то молодого монаха, взобравшегося на камень и говорившего громким голосом:

– Жители Бельмонта! Игумен Маэль, досточтимый отец наш, возвещает вам моими устами, что победа над драконом не зависит ни от силы рук, ни от оружия, – одолеть его может только невинная дева. Так если есть среди вас дева, сохранившая себя в нетронутой чистоте, пусть она встанет и пойдет навстречу чудовищу. А приблизившись к нему, пусть обовьет ему шею своим поясом, и оно последует за нею покорно, как собачонка.

И, накинув капюшон себе на голову, молодой монах пошел возвещать по другим селениям слова блаженного Маэля.

Он был уже далеко, а Орброза, поджав ноги, все сидела на соломенном ложе любви; облокотясь на колено и подперев подбородок рукою, она размышляла о словах монаха. Хоть она и считала, что могущество невинной девы гораздо менее опасно для Кракена, чем сила оружия, – однако извещение от блаженного Маэля внушило ей тревогу; какое-то неясное, но верное чутье, управлявшее ее мыслями, подсказывало ей, что отныне Кракен уже не может безнаказанно оставаться драконом.

– Сердечко мое, что ты думаешь насчет дракона? – спросила она волопаса.

Мужлан ответил, качая головой:

– В старину, это верно, драконы опустошали землю; и были среди них громадные, величиною с гору. Но теперь таких не бывает. И что бы у нас там ни толковали про чудовище, покрытое чешуей, а мне сдается, тут все дело в морских разбойниках или купцах, – это они уволокли к себе на корабль и красавицу Орброзу, и самых красивых алькских ребят. Пусть только кто из этих разбойников попробует увести у меня быков, уж я как-нибудь, силою либо хитростью, отважу его от этих проделок.

Слова волопаса еще больше встревожили Орброзу, и она еще сильнее почувствовала необходимость позаботиться о судьбе любимого супруга.

Глава X

Алькский дракон

(Продолжение)

Шли дни за днями, и на острове все не объявлялось девственницы, чтоб одержать победу над чудовищем. И в деревянном скиту старец Маэль, сидя на скамье под сенью древней смоковницы вместе с благочестивым монахом по имени Регименталий, с грустью и тревогой спрашивал себя, как же это во всей Альке не найдется ни одной непорочной девы, способной одолеть зверя.

Он вздохнул, брат Регименталий – тоже. Увидев в это мгновение юного Самуила, входящего в сад, старец Маэль подозвал его и промолвил:

– Я снова раздумывал, сын мой, о том, как уничтожить дракона, что пожирает цвет нашего юношества, наши стада и наши жатвы. В этом деле история драконов святого Риока и святого Павла Леонского представляется мне особенно назидательной. Дракон святого Риока был длиною в шесть туазов; головой он походил одновременно на петуха и на василиска, а туловищем был змеебык. Он опустошал берега Элорна во времена короля Бристокса. Святой Риок, будучи тогда двух лет от роду, отвел его на бечевке к самому морю, где чудовище покорно утопилось. Не менее страшен был дракон святого Павла, длиною в шестьдесят футов. Блаженный просветитель Леонский обвязал его своей епитрахилью, а другой конец вложил в руку

одному знатному юноше, известному своей чистотой. Эти примеры показывают, что девственник не менее угоден Господу, чем девственница. Перед небом они равно достойны. А потому, сын мой, если ты согласен со мною, мы отправимся вдвоем на Берег Теней; подойдя к пещере чудовища, мы громким голосом вызовем дракона из его логова, и когда он появится, я обвяжу ему шею своей епитрахилью, а ты отведешь его на берег моря, где он всенепременно утопится.

При этих словах Самуил опустил голову и ничего не ответил.

– Ты как будто колеблешься, сын мой, – сказал Маэль.

Брат Регименталий, вопреки своей привычке, заговорил, не дожидаясь, чтобы спросили его мнения.

– Поневоле заколеблешься, – сказал он. – Ведь святому Риоку было только два года, когда он одолел дракона. Кто поручится, что и лет через девять-десять он мог бы сделать то же самое? Не забывайте, отец мой, что дракон, опустошающий наш остров, пожрал ведь маленького Эло и еще нескольких мальчиков. Брат Самуил не настолько самонадеян, чтобы в девятнадцать лет мнить себя чище двенадцатилетних или четырнадцатилетних. – Увы, – со вздохом продолжал монах, – кто может похвалиться своей чистотой в этом мире, где мы всюду видим примеры любовной страсти, где все в природе – животные и растения – предается на наших глазах сладострастию и внушает нам стремление к любовным утехам. Животные жаждут соединяться на свой лад, но никакие сочетания четвероногих, птиц, рыб и пресмыкающихся не сравнятся в отношении сладострастия с браками среди растений. Все чудовищные непристойности, измышленные язычниками в своих баснях, бледнеют перед тем, что творит простой полевой цветок, и если бы ты подумал о блудодействах лилий и роз, ты удалил бы с алтарей своих эти чаши распутства, эти сосуды соблазна.

– Не говори так, брат Регименталий, – возразил старец Маэль. – Покорствуя закону естества, животные и растения остаются невинными. У них нет души, о спасении коей надлежало бы заботиться, меж тем как человек...

– Ты прав, – отвечал брат Регименталий, – это дело другого сорта. Но не посылай юного Самуила к дракону: тот его съест. Вот уже пять лет, как Самуил потерял способность удивлять чудовищ своей невинностью. В год кометы диавол-искуситель поставил ему на дороге молочницу, подтыкавшую себе юбку, чтобы перейти брод. Самуил почувствовал соблазн, но не поддался ему. Тогда диавол, неутомимый в своих кознях, показал ему во сне образ этой молодой девицы, и сонное видение оказалось могущественнее, чем явь: Самуил пал. Пробудившись, он оросил слезами свое сокровенное ложе. Увы! Раскаяние не вернуло ему невинности.

Слушая этот рассказ, Самуил недоумевал, как тайна его могла быть открыта: не знал он, что диавол принял на себя облик брата Регименталия, чтобы смущать души алькских монахов.

А старец Маэль пребывал в задумчивости и, тоскуя, вопрошал себя:

– Кто спасет нас от зубов дракона? Кто охранит нас от его дыхания? Кто защитит нас от его взгляда?

Между тем обитатели Альки понемногу осмелели. Домбские землепашцы и бельмонтские волопасы клялись, что со свирепой тварью они сами справятся получше всякой девы, и, щупая свои мускулы, восклицали: «А ну-ка, дракон, выходи!» Многие мужчины и женщины уже видели его. Они не могли столковаться насчет его облика, но только все в один голос утверждали, что он вовсе не так уж огромен, как прежде казалось, и лишь немногим больше человека. Стали заботиться об обороне: по вечерам при входе в деревню выставляли караульщиков, чтобы те в случае опасности подняли тревогу; отряды, вооруженные вилами и косами, охраняли по ночам загоны для скота. Однажды в деревне Анис смелые землепашцы даже настигли дракона в то время, когда он перепрыгивал через ограду во двор к Морию; вооруженные цепями, косами и вилами, они бросились к нему и уже подступили вплотную. Один из них, удалой и ловкий, уверял даже, что пырнул его вилами, да, поскользнувшись в луже, упустил.

Остальные наверняка догнали бы его, если б не замешкались, кинувшись ловить кроликов и кур, которых он побросал на бегу.

Эти крестьяне сообщили старейшинам селения, что видом и размерами чудовище показалось им похожим на человека, и только голова да хвост у него были в самом деле такие, что ужасно глядеть.

Глава XI

Алькский дракон

(Продолжение)

В тот день Кракен вернулся к себе в пещеру раньше обычного. Он стащил с головы свой шлем из тюленьей шкуры с парюю бычьих рогов наверху и с грозными клыками, торчащими изпод забрала. Бросил на стол свои страшные когтистые перчатки – на концах пальцев к ним были прикреплены клювы зимородков. Расстегнул пояс с извивающимся зеленым хвостом позади. Потом приказал своему пажу Эло снять с него сапоги, и, так как мальчику все не удавалось справиться с этим, он пинком ноги отшвырнул его в другой конец пещеры.

Даже не взглянув на прекрасную Орброзу, которая пряла шерсть, он уселся перед очагом, где жарилась баранья туша, и пробурчал:

– Что за гнусные пингвины... Последнее ремесло на свете – изображать дракона.

– Что вы говорите, господин мой? – спросила прекрасная Орброза.

– Меня перестали бояться, – продолжал Кракен. – Прежде все разбегались при моем приближении. Я уносил в своем мешке кур и кроликов. Гнал перед собой баранов и свиней, коров и быков. А теперь эта деревенщина стала расставлять караул. Охраняют входы. Только что в Анисе за мною погнались крестьяне, вооруженные цепями, косами и здоровенными вилами, так что мне пришлось побросать кур и кроликов, перекинуть свой хвост через руку и бежать со всех ног. Но, скажите на милость, разве пристало каппадокийскому дракону, подобрав свой хвост, улепетывать, словно какому-нибудь воришке! И вдобавок все эти рога, клыки, гребень, когти и чешуя так стесняли мои движения, что я еле ноги унес от одного негодяя, который на добрых полдюйма всадил мне вилы в левую ягодицу.

При этом он осторожно поднес руку к пострадавшей части тела. Затем, после довольно продолжительного горького раздумья, прибавил:

– Что за олухи эти пингвины! Мне надоело пускать огонь в их дурацкие рожи. Слышишь, что я говорю, Орброза?

После этих слов герой, держа перед собою свой грозный шлем, долго глядел на него в угрюмом молчании. Потом разразился потоком жалоб:

– Я собственными руками скроил себе этот шлем из тюленьей кожи. Чтобы сделать его еще страшнее, я увенчал его бычьими рогами и оснастил челюстью дикого кабана, пустил поверху конский хвост, крашенный киноварью. Никто из жителей острова не мог вынести его вида, когда он покрывал меня, спускаясь до самых плеч, при мрачном сумеречном свете. Завидев меня, женщины и дети, юноши и старики в ужасе бежали прочь, и все пингвинское племя трепетало передо мною. Каким же образом этот дерзкий народ, забыв прежний страх, осмеливается глядеть прямо на эту свирепую морду и бежать вслед за этой устрашающей гривой?

И он бросил шлем на каменный пол пещеры.

– Так пропади ты пропадом, изменник шлем! – вскричал Кракен. – Клянусь всеми демонами Армора, никогда больше тебя не надену!

И, произнеся эту клятву, он стал топтать ногами свой шлем, перчатки, сапоги и извивающийся хвост.

– Кракен, – сказала прекрасная Орброза, – позвольте вашей покорной служанке прибегнуть к хитрости, ради спасения вашей славы и вашего добра. Не пренебрегайте помощью женщины. Такая помощь вам необходима: ведь все мужчины – глупцы.

– Что ты задумала, женщина? – спросил Кракен.

И прекрасная Орброза сообщила своему супругу, что по городам и весям ходили монахи, оповещая жителей острова о наивернейшем способе победить дракона; что, по их словам, зверя может одолеть девственница и что, если невинная дева обвяжет дракону шею своим поясом, она без малейшего труда поведет его за собою, как собачонку.

– Откуда ты знаешь, что монахи говорят это? – спросил Кракен.

– Друг мой, – отвечала Орброза, – я беседую с вами о таких важных вещах, а вы перебиваете меня пустыми вопросами... «Итак, – говорили монахи, – если есть среди вас невинная дева, пусть она объявится!» Так вот, Кракен, я решила откликнуться на их призыв. Пойду к святому старцу Маэлю и скажу ему: «Я эта дева, избранная небесами для одоления дракона!»

При этих словах Кракен удивленно воскликнул:

– Да какая же ты невинная дева? И почему ты хочешь пойти на меня, Орброза? В своем ли ты уме? Ну уж я не дам себя одолеть!

– Чем сердиться, не лучше ли прежде понять, что я предлагаю? – заметила прекрасная Орброза, кротким вздохом выражая глубокое презрение.

И она изложила свой хитроумный замысел.

Герой слушал ее в раздумье. Когда она кончила свою речь, он сказал:

– Ты очень хитро все придумала, Орброза! И если замысел твой осуществится, то принесет мне большую выгоду. Но как же ты станешь чистой девой, избранной небесами?

– Насчет этого не беспокойся, Кракен, – отвечала она. – А теперь пойдем-ка спать.

Весь следующий день, сидя в пропахшей жиром пещере, Кракен плел из ивовых прутьев какой-то безобразный каркас, затем обтянул его отвратительными кожами со взъерошенной чешуей. Прекрасная Орброза пришила к каркасу с одного конца грозный гребень и мерзкое забрало, служившее Кракену в его опустошительных набегах, а с другого – прикрепила извивающийся хвост, который герой имел обыкновение волочить за собою. Окончив работу, они приказали маленькому Эло и еще пятерым мальчишкам, что им прислуживали, влезть в это сооружение и тащить его на себе, чтобы оно ползло, а внутри жечь паклю и дуть в раструбы, чтобы драконья пасть извергала пламя и дым.

Глава XII

Алькский дракон

(Продолжение)

Надев платье из грубой шерстяной материи, подпоясавшись простою веревкой, Орброза явилась в скит и попросила допустить ее к блаженному Маэлю для беседы. Так как женщинам доступ в ограду монастыря был воспрещен, то старец вышел за ворота, держа в правой руке свой пастырский посох, а левой опираясь на плечо Самуила, самого молодого из учеников.

– Кто ты, женщина? – спросил он.

– Я дева Орброза.

Услышав такой ответ, Маэль воздел дрожащие руки к небу.

– Правду ли говоришь ты, женщина? Всем известно, что Орброзу пожрал дракон. И вот я вижу Орброзу и слышу ее! Не было ли так, о дочь моя, что ты осенила себя крестом во чреве чудовища и вышла невредимой из его пасти? Это представляется мне наиболее вероятным.

– Ты не ошибся, отец мой, – отвечала Орброза. – Именно так и было со мною. Выйдя из звериного чрева, я удалилась в уединенное место на Берегу Теней. В своем пустынножителестве я предавалась молитве и размышлению, совершая неслыханные подвиги воздержания, как

вдруг получила откровение небесное в том, что только девственница может одолеть дракона и что девственница эта – я.

– Покажи мне какой-нибудь знак, свидетельствующий о твоём призвании.

– Этот знак я сама, – отвечала Орброза.

– Мне известно о могуществе тех, кто запечатлел плоть свою печатью невинности, – сказал просветитель пингвинов. – Но действительно ли ты такова, как говоришь?

– Увидишь это по моим делам, – отвечала Орброза.

Тут монах Регименталий приблизился и сказал:

– Это будет лучшим доказательством. Царь Соломон изрек: «Три вещи трудно узнать, а четвертую – невозможно: след змеи на камне, птицы в воздухе, корабля – в воде, мужчины – в женщине». Я считаю дерзкими тех матрон, что выставляют себя в таких делах осведомленнее мудрейшего из царей. Поверьте мне, отец мой, советоваться с ними относительно благочестивой Орброзы нет никакого смысла. Если они и выскажут вам свое мнение, это ничего вам не даст. Доказать девственность не менее трудно, чем сохранить ее. Плиний утверждает в своей «Естественной истории», что признаки ее воображаемы или весьма неопределенны⁷. Иная отмечена всеми четырнадцатью знаками растления, но чиста пред очами ангелов, иная же, наоборот, признанная непорочной, после того как матроны оглядели и ощупали ее всю, мнимой невинностью своей обязана уловкам предусмотрительного разврата. Что касается чистоты предстоящей здесь святой девицы, так я готов ручаться за нее, сунув руку в огонь.

Он говорил так потому, что он был диавол. Но старец Маэль не знал об этом. И спросил благочестивую Орброзу:

– Скажи, дочь моя, каким способом предполагаешь ты победить столь свирепого зверя, однажды уже пожравшего тебя?

Дева отвечала:

– Завтра, при восходе солнца, о Маэль, ты созовешь народ на холм, пред которым до самого Берега Теней расстилается пустынная степь, и проследишь за тем, чтобы ни один пингвин не подходил к скалам ближе чем на пятьсот футов – иначе он будет тотчас же отравлен дыханием чудовища. Дракон выйдет из скал, и я обвяжу ему шею своим поясом и поведу его на поводке, как послушную собачку.

– Не возьмешь ли ты в помощь себе какого-нибудь отважного и благочестивого мужа, дабы он поразил дракона? – спросил Маэль.

– Именно так, о старец; я отведу чудовище к Кракену, который зарубит его своим сверкающим мечом. Ибо надобно тебе знать, что благородный Кракен, которого считали мертвым, вернется к пингвинам и убьет дракона. Из брюха дракона выйдут пожранные им дети.

– То, о чем ты мне возвещаешь, о дева, кажется мне чудесным и превышающим человеческие силы! – воскликнул проповедник.

– Да, это действительно так, – отвечала дева Орброза. – Но знай, Маэль, мне было откровение, что народ пингвинский, освобожденный рыцарем Кракеном, должен будет вознаградить его, платя ему ежегодный оброк в виде трехсот цыплят, двенадцати баранов, двух быков, трех свиней, тысячи восьмисот мер хлеба, а также овощей, смотря по времени года; сверх того, мальчики, вышедшие из брюха дракона, должны быть отданы тому же Кракену в полное его распоряжение, чтобы служить ему и покорно исполнять все, что он прикажет. Если народ пингвинский не исполнит своих обязательств, на острове появится новый дракон, еще ужаснее первого. Я все сказала.

---

⁷ Мы тщетно искали эту фразу в «Естественной истории» Плиния. – *Издатель. Примеч. авт.*

Глава XIII

Алькский дракон

(Продолжение и окончание)

Народ пингвинский, созванный старцем Маэлем, провел ночь у Берега Теней, не преступая указанной святым мужем границы, из опасения, что будет отравлен дыханием дракона.

Ночной сумрак еще окутывал землю, когда, возвещая о себе хриплым ревом, на скалах неясно обрисовалась движущаяся тень дракона. Он полз по-змеиному, и его извивающееся тело, казалось, имело не менее пятнадцати футов в длину. При виде дракона толпа отпрянула в ужасе. Но тут же все взоры обращаются к деве Орброзе – в лучах занимающейся зари она выходит, вся в белом, на лужайку, поросшую розовым вереском. Бесстрашной и скромной поступью подходит она к зверю, а тот, испуская дикое рычание, разевает огнедышащую пасть. Громкий крик ужаса и жалости вырывается из толпы пингвинов. Но дева, сняв свой льняной пояс, обвязывает им шею дракона и при восторженных кликах присутствующих ведет его за собой, как послушную собаку. Она уже проходит довольно большое расстояние по равнине, как вдруг появляется Кракен, вооруженный сверкающим мечом. Народ, считавший Кракена мертвым, встречает его изумленным и радостным кличем. Герой устремляется на зверя, опрокидывает его, вспарывает ему брюхо мечом, и оттуда, молитвенно сложив ладони, в рубашонках, с кудрявыми головками, выходят маленький Эло и остальные пять мальчиков, проглоченные чудовищем.

Они тотчас же припадают к ногам девы Орброзы, и та заключает их в объятия, нашептывая им на ухо:

– Идите по деревням и говорите всюду: «Мы бедные малютки, пожранные драконом и вышедшие в рубашках из его брюха». И люди будут щедро одаривать вас всем, чего вы ни пожелаете. А станете рассказывать другое, получите одни щелчки да пинки. Ступайте!

При виде дракона со вспоротым брюхом многие пингвины бросились было к нему, чтоб разорвать его в клочья, одни – в порыве ярости и чувства мести, другие – чтобы завладеть волшебным камнем под названием драконит, образующимся в голове у драконов; матери возвращенных к жизни мальчиков ринулись вперед, чтобы обнять дорогих сыночков. Но св. Маэль удержал всех, объяснив им, что они недостаточно добродетельны, чтобы приблизиться к дракону, не поплатившись за это жизнью.

Вскоре маленький Эло с другими мальчиками подошли к народу и сказали:

– Мы бедные малютки, пожранные драконом и вышедшие в рубашках из его брюха.

Все слышавшие целовали их и говорили:

– Благословенные дети! Мы щедро одарим вас всем, чего вы ни пожелаете.

И толпа разошлась в веселии, с пением гимнов и благодарственных молитв.

В память того дня, когда провидение избавило народ от жестокого бедствия, решено было устраивать процессии и носить по улицам изображение дракона, закованного в цепи.

Кракен стал получать оброк и вскоре сделался самым богатым и могущественным среди пингвинов. Для того чтобы внушать благодетельный ужас, он в знак своей победы стал носить на голове драконий гребень и постоянно напоминал народу:

– Теперь, когда чудовище издохло, дракон – это я!

Долго еще обвивала Орброза любвеобильными руками шею волопасов и овчаров, делая их равными богам. Когда же утратила свою красоту, посвятила себя Господу.

Она пользовалась всеобщим почитанием, а после кончины своей была причислена к лику святых и стала небесной покровительницей Пингвинии.

Кракен оставил после себя сына, носившего, подобно отцу, гребень дракона и по этой причине прозванного Драко. Он основал первую королевскую династию Пингвинии.

Книга третья

Средние Века и Возрождение

Глава I

Бриан Благочестивый и королева Гламоргана

Короли Альки, происходившие от Драко, сына Кракена, носили на голове страшный драконий гребень, священный знак, одним видом внушавший всему народу почтение, ужас и любовь. Они непрестанно враждовали либо со своими вассалами и подданными, либо с владельцами островов и близлежащих земель на материке.

Древнейшие из этих королей оставили после себя только имя. К тому же мы не знаем ни как оно произносится, ни как пишется. Первый Драконида, история которого нам известна, — это Бриан Благочестивый, стяжавший славу своей хитростью и отвагой на войне и на охоте.

Он был истинным христианином, любил письменность и покровительствовал людям, посвятившим себя монашеской жизни. В своей дворцовой зале, где под закоптелыми стропилами висели рога оленей и других зверей, он устраивал пиры, на которые собирал арфистов со всей Альки и других островов, да и сам пел хвалебные песни в честь героев. Справедливый и великодушный, но снедаемый пламенной жадой славы, он не мог удержаться, чтобы не предавать смерти всякого, кто пел лучше его.

После того как ивернские монахи были изгнаны опустошавшими Бретань язычниками, король Бриан призвал изгнанников в свое королевство и велел поставить для них рядом со своим дворцом деревянный скит. Каждый день вместе с супругой своей Гламорганой он отправлялся в монастырскую часовню, присутствовал при богослужении и пел гимны.

В монастыре был один монах по имени Оддул, во цвете юных лет украшенный познаниями и добродетелями. Это причиняло сильную досаду диаволу, и тот неоднократно пытался ввести его в искушение. Он принимал разные облики и показывал монаху то боевого коня, то юную деву, то чашу с медовым напитком; а как-то раз встряхнул двумя игральными костями в стаканчике и предложил:

— Хочешь сыграть со мной? Ставлю все царства земные против волоска с твоей головы.

Но человек божий, осенев себя крестным знамением, отринул посягательства врага рода человеческого. Видя, что он не поддается соблазну, диавол задумал погубить его при помощи хитроумной уловки. Однажды летней ночью он приблизился к королеве, спавшей на своем ложе, представил ей образ молодого монаха, которого она видела каждый день в деревянном скиту, и приворожил ее к этому образу. Тотчас же любовь, как некий тонкий яд, проникла в жилы Гламорганы. Ее охватило желание испытать с Оддулом утеху любви. Она неустанно изыскивала предлоги, чтобы приблизить его к себе. Не раз просила она его учить ее детей читать и петь.

— Я доверяю их вам, — говорила она. — Я сама буду слушать ваши уроки, чтобы учиться у вас. Заодно вы будете наставником и детей, и их матери.

Однако юный монах отказывался, ссылаясь то на недостаток знаний, то на монашеский устав, запрещающий общение с женщинами. Но отказы его только распаляли Гламоргану. Однажды, томясь в невыносимой муке на своей постели, она велела позвать Оддула к себе в спальню. Он повиновался, но стал на пороге, потупя взор. То, что он не хотел даже взглянуть на нее, еще больше разжигало в ней тяжкое нетерпение.

— Ты видишь, — сказала она, — я совсем обессиленна. У меня потемнело в глазах. Меня бросает то в жар, то в озноб.

И так как он молчал, неподвижно стоя на пороге, она позвала его с мольбою:

– Поди, поди ко мне!

И, в исступлении протягивая руки, пыталась схватить его, притянуть к себе.

Но он убежал, порицая ее за бесстыдство.

Тогда, преисполненная гнева и опасаясь, как бы Оддул не стал всем рассказывать о ее позорной страсти, она задумала сама погубить его, чтобы он не погубил ее. Оглашая дворец воплями, она стала звать на помощь, словно находилась в большой опасности. Сбежались прислужницы и увидели, что из спальни убегает молодой монах, а королева натягивает на себя одеяло. Все в один голос закричали: «Держите убийцу!» Когда король Бриан, привлеченный шумом, вошел в спальню, Гламоргана, показывая на свои растрепанные волосы, на свои слезы, на грудь, которую сама же в любовном исступлении разодрала ногтями, сказала ему:

– Мой господин и супруг, смотрите: вот следы постигших меня оскорблений. Побуждаемый гнусной похотью, Оддул приблизился ко мне и пытался насильно овладеть мною.

Услышав ее жалобы, увидев кровь, король, вне себя от ярости, приказал стражам схватить юного монаха и сжечь его заживо перед дворцом, на глазах у королевы.

Узнав о случившемся, ивернский аббат пошел к королю и сказал ему:

– Король Бриан, на этом примере вы можете видеть разницу между христианкой и язычницей. Римская Лукреция была самой добродетельной среди властительниц, поклонявшихся идолам; и, однако, она не имела сил противостоять нападению изнеженного юноши и, смущенная своею слабостью, впала в отчаяние, между тем как Гламоргана победоносно устояла против нападения преступника, охваченного неистовством и одержимого опаснейшим из бесов.

Тем временем Оддул дожидался в дворцовой темнице того часа, когда ему предстояло быть сожженным заживо. Но Господь не допустил гибели невинного. Он послал к нему ангела, и тот, приняв облик Гудруны, одной из прислужниц королевы, вывел его из узилища и привел в комнату той самой прислужницы.

И сказал ангел юному Оддулу:

– Я люблю тебя, ибо ты дерзаешь.

Юный Оддул, думая, что говорит с Гудруной, ответил, опустив глаза:

– Только милостью Господней дано мне было устоять против бесчинных притязаний королевы, не убоявшись гнева сей могущественной женщины.

Ангел спросил:

– Как! Ты не совершил того, в чем обвиняет тебя королева?

– Воистину нет, я не совершал сего, – ответил Оддул, положив руку на сердце.

– Не совершал?

– Нет, не совершал. Одно помышление о подобном поступке внушает мне ужас.

– Так что же ты тут торчишь, колбаса этакая!⁸ – воскликнул ангел.

И он открыл дверь, дабы способствовать бегству юного монаха.

Оддул почувствовал, что его с силой вытолкнули наружу. Не успел он выйти на улицу, как чья-то рука опрокинула ему на голову ночной горшок.

«Таинственны предначертания твои и неисповедимы пути твои, Господи!» – подумал он.

Глава II

Драко Великий. Перенесение мощей святой Орброзы

Род Бриана Благочестивого по прямой линии угас к 900 году в лице Коллика Курносого. Этому государю наследовал один из его родственников – Боско Великодушный, который, забо-

---

⁸ Пингвинский летописец, сообщая об этом факте, употребляет выражение «Species inductilis». Я даю буквальный перевод. – *Примеч. авт.*

тась о судьбах престола, перебил всю свою родню. От него произошел длинный ряд могущественных королей.

Один из них, Драко Великий, стяжал громкую воинскую славу. Его побеждали чаще, чем кого-либо другого. Именно по такому постоянству в военных поражениях узнаются великие полководцы. За двадцать лет он сжег более ста тысяч деревушек, селений, посадов, малых и больших городов и университетов. Он все предавал огню не только во вражеских землях, но и в собственном своем королевстве. И, чтобы объяснить такой образ действий, обычно говорил:

– Война без пожара – что рубцы без горчицы: слишком пресно!

Он придерживался сурового правосудия. Когда захваченные им в плен крестьяне не могли внести за себя выкуп, он вешал их на дереве, а если какая-нибудь несчастная женщина, жена несостоятельного плательщика, приходила к нему с мольбой за своего мужа, Драко Великий приказывал привязать ее за косы к хвосту своего коня и пускал его вскачь. Жил он совсем просто, по-солдатски. Видимо, он соблюдал чистоту нравов. Он не только не уронил прежней славы своего королевства, но, напротив, во всех превратностях судьбы мужественно поддерживал честь пингвинского народа.

Драко Великий велел перенести в Альку священные останки св. Орброзы.

Тело блаженной погребено было в пещере на Берегу Теней, в конце благоуханной равнины. Первыми богомольцами, являвшимися к ней на поклонение, были юноши и девушки ближних селений. Они ходили туда большей частью парами и по вечерам, как бы невольно ища уединенного места, где можно было бы под покровом темноты удовлетворить свои благочестивые стремления. Ревниво оберегая тайну от взора непосвященных, они пылко и скрытно чтили святую; они избегали говорить вслух о том, что им довелось испытать в ее пещере; но порою их заставляли там шепчущими друг другу слова любви, радости и восторга вперемежку с упоминанием св. Орброзы; одни томно вздыхали, твердя, что там можно забыть весь мир; другие уверяли, что после посещения пещеры чувствуешь покой и удовлетворенность. Девы делились между собою воспоминаниями об испытанном там блаженстве.

Таковы были чудеса, творимые алькской девственницей на заре ее вечной славы: в них были нежность и неясность рассвета. Но вскоре тайна пещеры, подобно вкрадчивому благоуханию, распространилась по всей стране. Для чистых сердцем в этом были радость и назидательность, и напрасно люди развращенные пытались при помощи лжи и злословия отвлечь верующих от источника благодати, струившегося из гроба святой. Церковь озабочилась тем, чтобы эта благодать стала доступна не только нескольким отрокам и отроковицам, но осенила всех христиан Пингвинии. Пещерой завладели монахи; они выстроили на берегу монастырь, часовню и странноприимный дом, и вскоре началось многочисленное паломничество к этим местам.

Как бы обретая все новые силы по мере своего пребывания на небесах, блаженная Орброза совершала теперь более значительные чудеса над всеми, кто приходил с приношениями на ее могилу; она обнадеживала бесплодных женщин, посылала сонные видения ревнивым старикам, дабы внушить им доверие к их молодым женам, несправедливо заподозренным в измене; она охраняла страну от моровой язвы, от падежа скота, от голода, от бурь и от каппадокийских драконов.

Но во время смут, постигших страну при короле Коллике Курносом и его преемниках, богатая гробница св. Орброзы была разграблена, монастырь сожжен, монахи разбрелись кто куда; дорога, исхоженная столькими благочестивыми богомольцами, вся заросла дреком, терновником и голубым репейником, произрастающим в песках. Целых сто лет чудотворную гробницу посещали одни гадюки, совы да летучие мыши, как вдруг святая девственница явилась одному тамошнему крестьянину по имени Момордик.

– Я дева Орброза, – сказала она ему. – Ты избран мною, дабы восстановить мое святылище. Оповести жителей сих мест, что если они и впредь оставят память обо мне в небрежении,

а гробницу мою без почестей и богатых даров, то явится новый дракон и опустошит страну пингвинов.

Ученые церковники исследовали природу этого видения и признали его истинным, не дьявольским, а вполне небесным; впоследствии же было отмечено, что во Франции, при аналогичных обстоятельствах, св. Фидес и св. Екатерина поступили подобным же образом и держали такую же речь.

Обитель была восстановлена, и снова к ней стали стекаться богомольцы. Дева Орброза творила все более поразительные чудеса. Она исцеляла от самых тяжких болезней, как то: искривление стопы, водянка, паралич и пляска святого Витта. Монахи, взявшие гробницу под свою охрану, достигли уже завидного благосостояния, когда святая, явившись королю Драко Великому, повелела провозгласить ее небесной покровительницей королевства и перенести славные останки ее в Алькский собор.

Во исполнение этого благоуханные мощи девы были с великой торжественностью отнесены в столичную церковь и водружены перед самым алтарем в золотой раке, украшенной эмалью и драгоценными камнями.

Церковный капитул стал вести запись чудес, совершаемых по предстательству блаженной Орброзы.

Драко Великий, неустанный защитник и ревнитель христианской веры, принял благочестивую кончину, оставив церкви большие богатства.

Глава III

Королева Крюша

После смерти Драко Великого начались ужасающие смуты. Преемников этого государя нередко обвиняли в слабости. И в самом деле, никто из них ни в малой степени не следовал примеру своего доблестного предка.

Сын его Шом, страдавший хромотою, пренебрегал расширением пингвинских границ. Боло, сын Шома, в девятилетнем возрасте был убит дворцовой стражей, когда готовился взойти на престол. Ему наследовал брат его Гун. Семилетний мальчик, он во всем подчинялся матери, королеве.

Королева Крюша была красива, образованна, умна. Но она не умела сдерживать свои страсти.

Вот как отзывается в своей рукописи досточтимый Тальпа об этой прославленной королеве.

«Красотою лица и стройностью телосложения королева Крюша не уступает ни Семирамиде вавилонской, ни царице амазонок Пентесилее, ни Саломее, дочери Иродиады. Но она отличается некоторыми особенностями, кои можно счесть прекрасными или безобразными, соответственно противоречивым вкусам людей и мирским суждениям. Во лбу у нее – маленькие рожки, которые она искусно прикрывает своими густыми золотистыми волосами; один глаз – голубой, другой – черный, шея пригнута влево, как у Александра Македонского; правая рука шестипалая, а под пупком имеется как бы подобие обезьяньей головки. Поступь у нее величественная, обращение обходительное. Она славится щедростью, но не всегда умеет обуздывать свои желания доводами рассудка.

Однажды, заметив в дворцовых конюшнях молодого конюха необычайной красоты, она внезапно вспылала к нему любовью и доверила ему командование войсками. Что в этой королеве, несомненно, заслуживает похвал, так это ее обильные пожертвования на церкви, монастыри и часовни Пингвинии, в особенности на святую обитель Бергардинскую, где милостью Господней я, по четырнадцатому году жизни, принес монашеский обет. Она сделала столько вкладов для служения обеден за упокой ее души, что каждый священник церкви пингвинской

стал, можно сказать, живую свечой, возженной пред Господом, – да не будет августейшая Крюша оставлена милосердием Божиим».

По этим строкам, а также некоторым другим выдержкам, коими я украсил свое повествование, можно судить о научных и литературных достоинствах «Gesta Pingui-norum»⁹. К сожалению, летопись обрывается на третьем году правления Драко Простодушного, бывшего приемником Гуна Слабого. Подойдя в своем повествовании к этому моменту, я горько сетую по поводу утраты такого приятного и надежного руководителя.

В продолжение двух следующих веков Пингвиния была охвачена кровавой анархией. Все искусства погибли. Среди всеобщего невежества монахи под сенью монастырей предавались ученым трудам и с неутомимым рвением переписывали Священное Писание. Так как пергамент был редок, они соскабливали старые рукописи, чтобы запечатлеть вместо них слово Божье. И по всей пингвинской земле расцветали Библии, подобно кустам роз.

Один монах ордена св. Бенедикта, по имени Эрмольд Пингвин, собственноручно соскоблил четыре тысячи греческих и латинских рукописей, чтобы переписать четыре тысячи раз Евангелие св. Иоанна. Так было уничтожено большое количество лучших произведений античной поэзии и красноречия. По единодушному признанию историков, пингвинские монастыри были в средние века убежищами просвещения.

Конец этого периода заполняют столетние войны с дельфинами. Относительно этих войн чрезвычайно трудно установить что-либо достоверное – не по недостатку исторических свидетельств, а из-за их изобилия.

Дельфинские летописцы во всем противоречат пингвинским. Но мало того, пингвины противоречат друг другу так же, как дельфины. Я обнаружил двух летописцев, согласных между собой, но один списал у другого. Несомненно только, что в это время не прекращались убийства, насилия, пожары и грабежи.

При несчастном короле Боско IX государство было на волосок от гибели. Получив весть о том, что дельфинский флот, в составе шестисот больших кораблей, показался в виду острова Альки, епископ назначил крестный ход; капитул, выборные лица из судейского сословия, магистратура, члены парламентского суда, университетские ученые направились в собор, подняли раку св. Орброзы и обнесли ее вокруг города в сопровождении всех горожан, певших гимны. Воззвание к святой покровительнице Пингвинии не осталось не услышанным; но дельфины все же осадили город одновременно и с суши и с моря, взяли его приступом, а затем три дня и три ночи жгли, грабили, убивали и совершали насилия с безразличием, порожденным привычкой.

Достоин величайшего удивления, что в эти века диких войн среди пингвинов непоколебимо сохранилась вера. Свет истины озарял тогда души, не испорченные софизмами. Этим и объясняется единство верований. Счастливому единодушию паствы, несомненно, способствовало также одно обыкновение, которого придерживалась пингвинская церковь, – немедленно сжигать всякого инакомыслящего.

Глава IV

Письменность. Иоанн Тальпа

Во время малолетства короля Гуна бергардинский монах Иоанн Тальпа, давший обет монашества еще в четырнадцатилетнем возрасте и за свою жизнь ни разу не покинувший монастырской ограды, составил на латинском языке знаменитую летопись «De gestis Pinguinorum»¹⁰ в двенадцати книгах.

---

⁹ «Деяния пингвинов» (лат.).

¹⁰ «О деяниях пингвинов» (лат.).

Бергардинская обитель возносит свои высокие стены на неприступной горной вершине; вокруг – только синие горы да облака.

Иоанн Тальпа предпринял составление «Gesta Pingui-porum» уже в преклонных летах. Достоинейший инок сам сообщает об этом в своей книге. «Уже давно голову мою, – пишет он, – перестали украшать светлые кудри, и череп мой уподобился тем выпуклым металлическим зеркалам, с коими так прилежно и внимательно совещаются пингвинские дамы. От природы невысокий, с годами я стал еще ниже ростом, и стан мой согнулся. Белая борода укрывает грудь мою от холода».

С очаровательным простодушием сообщает Тальпа о некоторых обстоятельствах своей жизни и кое-каких чертах своего характера. «Происходя из знатного рода, – пишет он, – и с отроческих лет предназначенный к духовному званию, я изучал грамматику и музыку. В грамоте наставлял меня учитель по имени Амикус, хотя вернее было бы назвать его Инимикус. Так как я туго усваивал буквы, то он сек меня розгами столь сильно, что, можно сказать, запечатлел азбуку жгучими письменами на моих ягодицах».

В другом месте Тальпа признается, что от природы наделен был сладострастными влечениями. Вот как выразительно пишет он об этом: «В юности плоть моя была столь пылкой, что даже в тени лесной я чувствовал себя так, словно кипел в котле, а не вдыхал лесную свежесть. Я избегал женщин. Но напрасно! При одном виде какой-нибудь незабудки или бутылки предо мною вставал женский образ».

Пока он составлял свою летопись, жестокая война, одновременно и с иноземными врагами, и междоусобная, опустошала пингвинскую землю. Солдаты Крюши, явившись в Бергардинский монастырь для защиты его от дельфинских варваров, прочно там укрепились. Чтобы сделать обитель неприступной, они пробили бойницы в ее стенах и сняли с церкви свинцовую крышу на пули для пращей. Во дворах и крытых галереях они жгли по ночам большие костры, над которыми жарились целые туши быков, вздетых на стволы столетних горных елей, как на вертела; и, собравшись вокруг огней, в дыму, насыщенном запахом смолы и жира, солдаты вышибали днища у бочек с вином и брагой. Их песни, проклятия и споры заглушали утренний благовест.

Но вот наконец дельфины, пройдя горными ущельями, осадили монастырь. Это были северные витязи в медных доспехах. Они приставляли к отвесным скалам свои лестницы длиною в полтораста туазов, но те во мраке бурной ночи обрушивались под тяжестью людей и доспехов, и целые гроздья человеческих тел летели во рвы и горные пропасти. В потемках слышался только протяжный вой, замолкавший где-то внизу. И начинался новый приступ. Пингвины потоками лили со стен кипящий вар, и осаждающие вспыхивали, как факелы. Шестьдесят раз дельфины яростно бросались на приступ – и шестьдесят раз были отбиты.

Уже целых десять месяцев монастырь был плотно обложен врагами, когда в праздник Крещения какой-то пастух указал им потайную тропу, ведущую на вершину горы, и они проникли в подземелье монастыря, а оттуда хлынули в дворовые галереи, в кухни, в церковь, в залы капитула, в книгохранилище, в прачечную, в монашеские келии, в трапезные и спальни, предавая их огню, бесчинствуя и убивая всех, без различия пола и возраста. Застигнутые во время сна, пингвины бросились к оружию. Ночная тьма и страх мешали им видеть, и они сослепу нападали друг на друга, в то время как дельфины, тоже пуская в ход топоры, отнимали друг у друга священные сосуды, кадила, паникадила, ризы, богатые раки и осыпанные драгоценными камнями золотые распятия.

В воздухе стоял едкий запах горелого человеческого мяса. Из пламени неслись крики и стоны умирающих. По краю кровель, уже готовых обрушиться, во множестве, как всполошенные муравьи, бежали монахи и падали в ущелье. А Иоанн Тальпа все писал свою летопись. Солдаты королевы Крюши, поспешно отступив, завалили все выходы из монастыря каменными глыбами, оставляя дельфинов в пылающих зданиях. А чтобы давить врагов, обрушивая на

них камни и обломки стен, они пользовались как тараном стволами вековых дубов. С громовым грохотом рушились пылающие стропила и обваливались великолепные церковные своды, когда шестьсот человек, раскачав гигантское дерево, разом ударяли им в стену. Вскоре от всей богатой и обширной обители осталась только келья Иоанна Тальпы, чудом уцелевшая среди дымящихся развалин на верхушке обгорелой стены. А старый летописец все писал и писал...

Такая поразительная сосредоточенность мысли может все же показаться чрезмерной у летописца, ведущего записи о событиях своего времени. Но, как бы ни был человек рассеян и как бы ни был отрешен от окружающей жизни, он не может не чувствовать на себе ее влияния. Я ознакомился с оригиналом рукописи Иоанна Тальпы, хранящимся в Национальной библиотеке (Пингв. фонд, К. L⁶., 12390 quater). Это рукопись на пергаменте, состоящая из шестисот двадцати восьми листов. Почерк крайне неровен; буквы ложатся не прямыми строчками, но скачут в разные стороны, сталкиваются и налетают одна на другую в беспорядке или, вернее, в полном смятении. Они так плохо выписаны, что в большинстве случаев невозможно не только разобрать их, но даже отличить от многочисленных чернильных клякс. Всем видом своим эти бесценные страницы говорят о потрясениях, среди которых они были начертаны. Читать их трудно. Стиль же бергардинского монаха, напротив, не носит никаких следов волнения. Тон «Gesta Pinguinorum» отличается неизменной простотой. Повествование кратко и настолько сжато, что порою впадает в сухость. Рассуждения встречаются редко и в большинстве случаев обоснованны.

Глава V

Искусства. Примитивы пингвинской живописи

Пингвинские критики обычно утверждают, что искусство пингвинов с самого зарождения отличалось прелестным и мощным своеобразием и что нигде у других народов нельзя найти такой глубины и такого изящества, какими характеризуются эти ранние произведения. Дельфины же заявляют, что это их художники были первыми учителями и постоянными наставниками пингвинов. Трудно судить, кто прав, поскольку пингины стали восхищаться своими ранними художниками уже после того, как уничтожили все их творения.

Такая утрата в высшей степени плачевна. Я чувствую ее с особенной остротой, так как высоко чту пингвинские древности и преклоняюсь перед первобытным искусством.

Эти художники очаровательны. Нельзя сказать, что все они между собою схожи, но у них есть общие черты, присущие всем школам, — иначе говоря, обязательные для всех приемы и некая законченность, ибо то, что эти художники знают, они знают хорошо. К счастью, о пингвинских примитивах можно составить понятие по примитивам итальянским, фламандским, немецким и особенно французским, превосходящим все остальные; как заметил г-н Грюйе, во французских больше логики, потому что логика — это качество чисто французское. Возможно, кто-нибудь не согласится с таким мнением; но, во всяком случае, надо отдать справедливость Франции, сохранившей свои примитивы, меж тем как другими народами они утрачены. В 1904 году на выставке французских примитивов в Марсанском павильоне было показано несколько маленьких панно времен последних Валуа и Генриха IV.

Я совершил немало путешествий, чтобы видеть картины братьев Ван Эйк, Мемлинга, Рогира ван дер Вейдена, автора «Успенья Богородицы», Амброджо Лоренцетти и старых умбрийцев. Но все же мое окончательное приобщение к подобной живописи совершилось не в Брюгге, Кёльне, Сиене или Перудже; убежденным приверженцем безыскусственной живописи я стал в маленьком городке Ареццо. Это произошло лет десять тому назад, а то и раньше. При тогдашней бедности и простоте нравов, городские музеи были во всякое время на замке,

но во всякое время открывались для *forestieri*¹¹. Однажды вечером старушка со свечой показала мне за пол-лиры грязный музей города Ареццо, и я обнаружил там картину Маргаритоне «Св. Франциск», которая исторгла у меня слезы своей благочестивой печалью. Я был глубоко растроган; с тех пор Маргаритоне из Ареццо стал для меня самым любимым из ранних художников.

Я сужу о ранних художниках Пингвинии по произведениям этого мастера. Поэтому будет нелишним уделить ему здесь некоторое внимание и, не останавливаясь на подробностях, дать о нем хотя бы самое общее и, смею так выразиться, ясное представление. Сохранилось пять-шесть картин, носящих его подпись. На главном его полотне, хранящемся в Лондонской National Gallery¹², изображена Дева Мария, сидящая на престоле с Христом-младенцем на руках. Что поражает при первом взгляде, так это пропорции фигуры. Тело, от шеи до ступней, больше головы только вдвое: оно кажется чрезвычайно коротким и приземистым. Не менее чем рисунком, произведение это замечательно и своими красками. Цвета, бывшие в распоряжении великого Маргаритоне, весьма немногочисленны, и он применял их во всей чистоте, никогда не смешивая тонов. Вот почему в колорите у него больше живости, чем гармонии. Щеки Богоматери и младенца – великолепного алого цвета, причем старый мастер, простодушно предпочитая четкие очертания, румянец на обоих лицах изобразил в виде кругов, до такой степени правильных, словно они вычерчены циркулем.

Ученый критик XVIII столетия аббат Лауци отнесся к работам Маргаритоне с великим презрением. «Это грубая мазня, – писал он. – В те злосчастные времена не умели ни рисовать, ни писать красками». И такого мнения единодушно придерживались все эти знатоки искусства в напудренных париках. Но великий Маргаритоне и его современники вскоре были отмыщены за столь жестокое презрение к ним. В XIX веке в благочестивой Англии, среди деревенских приверженцев Библии и в коттеджах реформистов, появилось множество маленьких Самуилов и святых Иоаннов, курчавых, как барашки, – они-то к 1840–1850 годам превратились в очкастых ученых, установивших культ примитивов.

Выдающийся теоретик прерафаэлизма сэр Джемс Теккет смело причисляет Мадонну в National Gallery к лучшим произведениям христианского искусства. «Придавая голове Богоматери размер, равный трети всей фигуры, – пишет сэр Джемс Теккет, – старый мастер тем самым настойчиво привлекает внимание зрителя к наиболее благородной части человеческого облика, – в особенности к глазам, которые недаром называются “зеркалом души”. В этой картине колорит, в полном согласии с рисунком, преследует цель создать впечатление чего-то идеального и мистического. Алый румянец щек не похож на естественный; скорей кажется, что старый мастер украсил лица Святой Девы и младенца райскими розами».

На подобного рода критике, так сказать, играет отблеск превозносимой ею картины; однако серафический эдинбургский эстет Мак-Силли еще острее и проникновенней передал впечатление, произведенное на его душу созерцанием этого примитива. «Мадонна Маргаритоне достигает трансцендентной цели искусства, – говорит почтенный Мак-Силли, – она пробуждает в тех, кто на нее смотрит, невинность, чистоту, уподобляя их малым детям. До какой степени это верно, можно убедиться по тому, что в возрасте шестидесяти лет, после упоительного созерцания этой картины в течение трех часов подряд, я вдруг почувствовал себя грудным младенцем. Проезжая в кебе по Трафальгар-сквер, я тряс футляром от очков, как детской погремушкой, заливаясь смехом и что-то лепеча. А когда в семейном пансионе, где я живу, служанка подала мне обед, я принялся черпать ложкой суп и с детской непринужденностью лить его себе в ухо».

¹¹ Иностранцев (*ит.*).

¹² Национальной галерее (*англ.*).

«Подобное действие могут оказывать только совершеннейшие произведения искусства», – добавляет Мак-Силли.

«Маргаритоне, – сообщает Вазари, – умер в возрасте семидесяти семи лет, сожалея о том, что дожил до того времени, когда появилось новое искусство и новые художники были увенчаны славой». Эти строки, приведенные здесь мною дословно, вдохновили в свое время сэра Джемса Теккета на создание страниц, быть может, самых прелестных во всем его литературном наследии. Они входят в состав «Настольной книги эстетов»; все прерафаэлиты знают их наизусть. Я хочу процитировать их здесь, дабы они послужили драгоценнейшим украшением моей книги. По общему мнению, ничего более возвышенного не было написано со времени израильских пророков.

ВИДЕНИЕ МАРГАРИТОНЕ

Однажды Маргаритоне, обремененный годами и трудом, посетил мастерскую молодого художника, недавно поселившегося в городе. Он заметил в мастерской одну Мадонну, только что написанную, которая при всей своей строгости и суровости отличалась известной правильностью пропорций и прямо диавольской игрой света и тени, что придавало ей пластичность и жизненность. В этой картине простосердечный и высокий духом мастер из Ареццо с ужасом провидел живопись будущего.

Закрыв лицо руками, он прошептал:

– Какой позор предчувствую я, глядя на это изображение! Я предугадываю в нем конец христианского искусства, которое изображает душу, внушая жгучую тоску по небесам. Будущие художники не ограничатся тем, что станут, подобно этому юноше, воспроизводить на стене или на деревянной доске наше отмеченное проклятием естество – они будут славить и восхвалять его. Они придадут изображениям пагубное сходство с живым существом, оденут их плотью. У святых появятся тела, под одеждой будут чувствоваться человеческие формы. У святой Магдалины будут женские груди, у святой Марфы – живот, у святой Варвары – бедра, у святой Агнессы – ягодицы (buttocks); святой Себастиан обнажит юношескую красоту своего тела, а святой Георгий выставит из-под доспехов богатую мускулатуру зрелого мужчины. Апостолы, исповедники, ученые-богословы и сам Бог Отец предстанут в образах непотребных стариков совсем как мы, грешные; ангелы будут смущать сердца своей таинственной красотой, двусмысленною и дразнящей. Могут ли подобные изображения вызывать в нас жажду небесного? Отнюдь нет; вместо этого они станут прививать вкус к формам земной жизни. Останутся ли художники в своих нескромных поисках и на этом? Нет, не остановятся. Они дойдут до того, что станут показывать мужчин и женщин обнаженными наподобие римских идов. Будет существовать искусство мирское и искусство священное, но и священное будет таким же мирским.

– Сгиньте, бесы! – воскликнул вдруг старый художник.

Ибо в пророческом видении пред ним возникли праведники и святые, подобные задумчивым атлетам; возникли Аполлоны, играющие на скрипке на вершине горы, среди цветов, в окружении нимф, чуть прикрытых легкими туниками; возникли Венеры, спящие под тенистыми миртами, и Данаи, подставляющие золотому дождю свои восхитительные чресла; возникли Иисусы, под колоннадами, среди патрициев, светлокудрых дам, музыкантов, пажей, негров, собак и попугаев; возникли, в беспорядочном смешении человеческих тел, раскинутых крыльев и развевающихся тканей, Вифлеемские пещеры, едва вмещающие множество суетливых фигур; дородные Святые семейства; торжественные Распятия; возникли святые Екатерины, святые Варвары, святые Агнессы, затмевающие патрицианок бархатом, парчою и перлами роскошных своих нарядов и ослепительной белизною своих обнаженных грудей; возникли Авроры, разбрасывающие охапки роз; возникли многочисленные нагие Дианы и нимфы,

застигнутые врасплох среди тенистых зарослей на берегу ручья. И умер великий Маргаритоне, задохнувшись от страшного предчувствия всех ужасов Возрождения и Болонской школы.

Глава VI

Марбод

До нас дошел драгоценный памятник пингвинской литературы XV века – повесть о хождении по преисподней, которое совершил Марбод, монах ордена св. Бенедикта, пламенный поклонник поэта Вергилия. Этот рассказ, написанный на недурном латинском языке, был опубликован г-ном Дюкло де Люном. Ниже приводится впервые французский перевод. Полагаю, что окажу услугу моим соотечественникам, дав им возможность познакомиться с этими страницами, конечно, не единственными в своем роде среди произведений средневековой латинской литературы. Из подобных фантастических рассказов назовем, например, «Плавание св. Брендана», «Видение Альберика», «Чистилище св. Патрика» – вымышленные описания предполагаемого загробного мира, вроде «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Рассказ Марбода – одно из самых поздних произведений на такую тему, но отнюдь не наименее странное.

СОШЕСТВИЕ МАРБОДА В ПРЕИСПОДНЮЮ

В году тысяча четыреста пятьдесят третьем от воплощения Сына Божия, незадолго до того, как враги честного животворящего креста вошли в град Елены и великого Константина, даровано было мне, брату Марбоду, недостойному монаху, видеть и слышать то, чего никто доньше не слышал и не видел. Я составил о том правдивое повествование, дабы память о происшедшем не исчезла вместе со мною, ибо краток срок жизни человеческой. В первый день мая означенного года, в час, когда в Корриганском аббатстве служили вечерню, я, сидя на камне возле колодца, укрытого под сенью шиповника, читал, по обыкновению своему, одну из песен излюбленного мною поэта Вергилия, поведавшего о труде земледельческом, о пастухах и вождях. Вечер уже окутывал складками своей багряницы своды монастыря, и я в волнении шептал стихи о том, как Дидона Финикиянка влачит дни свои под миртами преисподней, чувствуя боль еще не зажившей раны. Тут мимо меня прошел брат Гилярий, сопровождаемый братом Гиацинтом, монастырским привратником.

Взращенный в варварское время, до возрождения муз, брат Гилярий не приобщен к античной мудрости; однако поэзия Мантуанца, словно свет факела, пронизывающий тьму, заронила луч свой и в его разум.

– Брат Марбод, – спросил он меня, – что за стихи произносишь ты прерывистым шепотом, с таким волнением, что у тебя вздымается грудь и сверкают глаза? Не из великой ли они «Энеиды», от которой ты не отрываешь взора с утра до вечера?

Я ответил ему, что читал то место у Вергилия, где сын Анхиза увидал Дидону, подобную луне за листвою деревьев¹³.

– Брат Марбод, – заметил он, – я не сомневаюсь, что Вергилий во всех случаях высказывает мудрые суждения и глубокие мысли. Но песни, которые он наигрывал на сиракузской флейте, полны такой красоты и такого высокого смысла, что способны просто ослепить нас.

– Будь осторожен, отец мой, – испуганно воскликнул брат Гиацинт. – Вергилий был волшебник и совершал чудеса при помощи демонов. Именно так прорыл он насквозь гору близ

---

¹³ У Вергилия: «...qualem primo qui surgere mense / Aut videt aut videsse putat per nubila lunam» (...как тот, кто видит или кому кажется, что он видел, как в начале месяца появляется в облаках луна) (лат.). Брат Марбод, впадая в странную ошибку, созданный поэтом образ заменяет совершенно другим. – *Примеч. авт.*

Неаполя и сделал бронзового коня, обладавшего силой исцелять все конские болезни. Он был некромант, и еще ныне в одном из городов Италии показывают зеркало, в котором он заставлял появляться мертвых. Но все-таки женщина провела этого могущественного колдуна: одна неаполитанская куртизанка поманила его из окошка и склонила его сесть в подъемную корзину, служившую для доставки наверх провизии, а затем коварно оставила его висеть всю ночь между двумя этажами.

Но брат Гилярий, словно не слыша этих речей, сказал:

– Вергилий – пророк. Да, он пророк, далеко превзошедший сивилл с их священными песнями, и дочь царя Приама, и великого прорицателя – Платона Афинского. В четвертой из своих сиракузских песней он предрекает рождество Господа нашего, причем речь его кажется скорей небесной, чем земной¹⁴.

В те дни, когда я еще учился, впервые прочитанные мною слова: «*Jam redit et virgo*» – погрузили меня в бесконечное блаженство; но тут же я почувствовал себя уязвленным печалью при мысли о том, что, навсегда лишенный лицезрения Господа, автор этой пророческой песни, самой прекрасной среди песней, когда-либо исходивших из уст человеческих, томится в вечном мраке, вместе с язычниками. Эта жестокая мысль не оставляла меня. Она преследовала меня даже во время моих занятий, молитв, размышлений и подвигов воздержания. Думая о том, что Господь навеки отвратил от Вергилия лицо свое и тот, быть может, даже разделяет участь всех осужденных на адские мучения, я не знал ни радости, ни покоя и каждый день многократно восклицал, воздевая к небесам руки: «Открой мне, Господи, какую участь назначил ты тому, кто пел на земле, подобно ангелам в небесах?»

Тревога моя прекратилась через несколько лет, когда в одной древней книге я прочитал, что великий апостол, призвавший язычников в церковь Христову, – святой Павел, прибыв в Неаполь, слезами своими освятил гробницу царя поэтов¹⁵. Это дало мне основание полагать Вергилия, как императора Траяна, допущенным в рай за то, что он из тьмы заблуждений своих прозревал истину. Такой вывод не обязателен, но мне сладостно убеждать себя в этом.

Затем старец Гилярий пожелал мне мирного и благостного сна и удалился вместе с братом Гиацинтом.

Я снова предался наслаждению моим любимым поэтом. Пока я с книгой в руке размышлял о тех, кто, сраженный Амуром, погиб от жестокой муки и тайными тропами бродит теперь по зарослям миртовой рощи, в воде монастырского колодца к лепесткам шиповника примешались отсветы звезд. Внезапно огоньки, благоухания ночи, спокойствие небосвода – все исчезло. Чудовищный Борея, бушуя во мраке, с ревом обрушился на меня, поднял меня в воздух и, как соломинку, понес через города и веси, через реки и горы, сквозь грохочущие громом тучи и нес всю долгую, долгую ночь, слившуюся из целой вереницы дней и ночей. И когда наконец упорная и жестокая ярость урагана утихла, я оказался далеко от родных мест, в глубине некоей долины, окаймленной кипарисами.

И приблизилась ко мне женщина, исполненная мрачной красоты, в длинных, влачащихся по земле одеждах. Положив левую руку мне на плечо и указывая правой на широколиственный дуб, она сказала:

– Смотри!

Тогда я понял, что это Сивилла, охранительница священной Авернской рощи, и в густой листве дерева, на которое указывал ее перст, я различил золотую ветвь, любезную прекрасной Прозерпине.

¹⁴ За три столетия до того времени, как жил наш Марбод, в церквах на Рождество пели: *Maro, vates gentilium. Da Christo testimonium*. – *Примеч. авт.* (О, Марон, прорицатель народов, свидетельствуй о Христе) (лат.).

¹⁵ *Ad Maronis mausoleum Ductus, fudit super eum Piae rorem lacrymae. Quem te, inquit, reddidissem, Si te vivum invenissem. Poetarum maxime!* *Примеч. авт.* Приведенный к гробнице Марона, он пролил росу благочестивой слезы и сказал: «Кем бы я тебя сделал, если бы застал живым, о величайший из поэтов!» (лат.).

Поднявшись с земли, я воскликнул:

– Так, значит, о вещая дева, ты разгадала мое желание и удовлетворила его! Ты показала мне дерево со сверкающей ветвью, без которой никому не дано войти живым в обитель мертвых. А я воистину пламенно желал беседовать с тенью Вергилия.

Сказав так, я сорвал с древнего дуба золотую ветвь и бесстрашно устремился в дымящуюся пропасть, через которую пролегает путь к тинистым берегам Стикса, туда, где, подобно опавшим листьям, кружатся тени умерших. При виде ветви, посвященной Прозерпине, Харон пустил меня к себе в ладью, заскрипевшую под тяжестью моего тела, и я доплыл до берега мертвых, где меня встретил беззвучным лаем трехголовый Цербер. Я замахнулся на него тенью камня, и призрачное чудовище убежало в свое логово. В тех местах, среди камышей, кричат младенцы, едва раскрывшие глаза навстречу сладостному сиянию дня и тут же сомкнувшие их; в глубине мрачной пещеры судит смертных Минос. Я проник в миртовую рощу, где, тоскуя, влчаться жертвы любви – Федра, Прокрида, печальная Эрифила, Эвадна, Пасифая, Лаодамия, и Кения, и Дидона Финикиянка; вслед за тем перешел пыльные поля, отведенные для знаменитых воинов. По ту сторону полей берут начало две дороги. Левая – в Тартар, местопребывание нечестивцев. Я пошел по правой, ведущей к Елисейским полям и обители Дия. Повесив священную ветвь у дверей богини, я достиг отрадных лугов, одетых пурпуровым светом. Тени философов и поэтов вели там между собой степенную беседу. Грации и музы водили на траве легкие хороводы. Под звон своей сельской лиры пел старый Гомер. Глаза его были закрыты, но уста струили свет божественно прекрасных образов. Я видел Солона, Демокрита и Пифагора, следивших за играми юношей на зеленом лугу, а сквозь листву древнего лавра заметил Гесиода, Орфея, меланхолического Еврипида и мужественную Сафо. Проходя мимо прохладного ручья, я среди сидящих на берегу узнал поэта Горация, Вария, Галла и Ликориду. Немного в стороне от них Вергилий, прислонившись к темному паду, задумчиво озирает рощу. Высокий, с тонким станом, он и здесь сохранил свой деревенский вид, свой загар и небрежность одежды – весь грубоватый облик, под которым при жизни скрывался его гениальный дар. Я благоговейно склонился перед ним и долго не мог произнести ни слова. Наконец, преодолев смущение, сжимавшее мне горло, я воскликнул:

– О, любимец авзонийских муз, прославивший имя латинян! О, Вергилий, ты дал мне познать красоту, ты приобщил меня к пиршеству богов и ложу богинь. Не отвергни хвалы смиреннейшего из твоих почитателей.

– Встань, чужестранец! – отвечал мне божественный поэт. – Я узнаю в тебе живого по длинной тени, отбрасываемой на траву твоим телом при свете этого вечно длящегося вечера. Ты не первый из смертных, сошедший еще при жизни в эти обители, как ни трудно какое-либо общение между живыми и нами. Но перестань восхвалять меня: я не люблю похвал – смутный шум славы всегда оскорблял мой слух. Вот почему, бежав из Рима, где я был известен в среде праздных и любопытных, я уединенно трудился в моей милой Партенопее. И потом, чтобы оценить значение твоих похвал, я недостаточно уверен, что мои стихи понятны людям твоего века. Кто ты?

– Я Марбод, из королевства Альки. Принял постриг в Корриганском монастыре. Читаю стихи твои днем и ночью. Только ради того, чтобы видеть тебя, спустился я в преисподнюю: я жаждал знать, какова здесь твоя участь. На земле ученые часто спорят об этом. Одни полагают в высшей степени вероятным, что, прожив всю жизнь при господстве демонов, ты горишь ныне в неугасимом огне; другие, более осторожные, не высказывают никакого суждения, считая все рассказы о мертвых малодостоверными и полными вымыслов; некоторые – надо сказать, не из самых больших умников – утверждают, что, дав голосу муз сицилийских звучать на возвышенный лад и провозвестив пришествие нового сына небес, ты, подобно императору Траяну, был допущен в христианский рай, чтобы вкушать там вечное блаженство.

– Ты видишь, что все это не так, – с улыбкой промолвила тень.

– В самом деле, о Вергилий, я встретил тебя среди героев и мудрецов, в Елисейских полях, описанных тобою самим. Так, значит, вопреки всему, что многие думают на земле, никто не приходил сюда за тобою от имени того, кто царит в небесах?

После довольно долгого молчания он отвечал:

– Не скрою от тебя ничего. Он посылал за мною; один из его посланцев, какой-то простодушный человек, пришел сказать мне, что меня ждут и что хотя я не приобщен к их таинствам, но, во внимание к моим пророческим песням, мне обеспечено место среди приверженцев новой секты. Однако я отказался от приглашения. Мне совсем не хотелось переселяться. Это не значит, что я разделяю восхищение греков их Елисейскими полями и что я вкушаю здесь утех, из-за которых Прозерпина забыла свою мать. Я никогда особенно не верил тому, что сам рассказывал обо всем этом в «Энеиде». Воспитанный философами и физиками, я почувствовал, каково истинное положение дел. Жизнь в преисподней чрезвычайно ограничена; здесь не испытывают ни радости, ни страдания; существуют как бы не существуя. Мертвые обладают здесь только тем бытием, каким их наделяют живые. И все же я предпочел остаться здесь.

– Но как объяснил ты, Вергилий, столь странный отказ?

– О, весьма убедительно. Я сказал посланцу Бога, что не заслуживаю такой чести и что стихам моим придают смысл, которого они не имеют. На самом деле в четвертой эклоге своей я нисколько не изменил вере предков. Только невежественные евреи могли истолковать в пользу некоего варварского бога песнь, где я славлю наступление нового золотого века, возведенного прорицаниями Сивиллы. Вот я и сослался на то, что не имею никакого права занять место, отводимое мне по ошибке. Затем я указал на свой темперамент и вкусы, не соответствующие нравам новых небес.

«Я отнюдь не нелюдим, – сказал я этому человеку. – При жизни я отличался мягким и легким характером. Крайняя простота всего моего обихода давала повод подозревать меня в скупости, но я ничего не приберегал для себя одного; моя библиотека была доступна каждому, и я согласовывал свое поведение с прекрасными словами Еврипида: «У друзей все должно быть общим». Хвалы мне докучали, когда имели в виду меня, но доставляли удовольствие, когда были обращены к Варию или Макру. Однако больше всего влечет меня простая сельская жизнь; мне по нраву общение с животными; я так тщательно их наблюдал, так о них заботился, что прослыл, и не без оснований, очень хорошим ветеринаром. Мне говорили, что люди из вашей секты признают наличие бессмертной души у себя, но отрицают ее у животных, – это нелепость, заставляющая меня сомневаться в их разуме. Я люблю стада и – быть может, немного слишком – пастухов. У вас на это взглянули бы косо. Есть правило, которому я всегда стремился следовать в своих поступках: ничего «слишком»! Не только слабое здоровье, но главным образом усвоенная мною философия приучила меня во всем соблюдать меру. Я воздержан в пище: какой-нибудь латук, несколько маслин да глоток фалернского составляли всю мою трапезу. Я лишь изредка посещал ложе чужестранок; я не засиживался в таверне, глядя, как молодая сирийка пляшет под звуки кротала¹⁶. Но если я сдерживал свои страсти, то лишь ради самого себя и в силу хорошего воспитания; а бояться радости и избегать наслаждений казалось мне всегда самым отвратительным оскорблением, какое можно нанести природе. Меня уверяли, что среди избранников твоего Бога некоторые при жизни воздерживались от пищи и избегали женщин из любви к лишениям, добровольно подвергая себя бесполезным страданиям. Я боялся бы встретиться с подобными преступниками, омерзительными для меня своим неистовством. От поэта нельзя требовать слишком строгого подчинения какой-нибудь физической или моральной доктрине. К тому же я римлянин, а римлянам, в отличие от греков, недоступно сложное искусство погружаться в глубины отвлеченной мысли: если они прини-

---

¹⁶ Если верить Марбоду, эта фраза, по-видимому, подтверждает, что «Копя» принадлежит Вергилию. – *Примеч. авт.*

мают какую-нибудь философскую систему, то главным образом с целью извлечь из нее практическую пользу. Сирон, которого у нас высоко ценили, преподавал мне учение Эпикура, тем самым избавив меня от пустых страхов и отвратив от жестокости, которую внушает религия своим невежественным последователям; Зенон научил меня терпеливо переносить неизбежные страдания; я воспринял мысли Пифагора о том, что душа есть и у людей, и у животных и что у тех и других она божественного происхождения. Это учит нас не гордиться собою, но не стыдиться за себя. Я узнал от александрийцев, как земля, сначала мягкая и податливая, постепенно затвердела, когда Нерей стал отступать от нее, углубляясь то тут, то там в свою влажную обитель; как незаметно образовалась природа; каким образом дождь, падая из облагаемых туч, питал молчаливые леса и, наконец, какое долгое развитие потребовалось для того, чтобы первые животные стали бродить по безыменным горам. Я уже не способен примениться к вашей космогонии, более пригодной для погонщиков верблюдов где-нибудь в сирийских песках, чем для ученика Аристарха Самосского. Да и что мне делать в ваших блаженных селениях, где я не встречу ни своих друзей, ни предков, ни учителей, ни богов, где мне не дано будет видеть могущественного сына Реи, Венеру со сладостной улыбкой на устах, мать энеадов, Пана, юных дриад, сильванов и старого Силена, которому Эглея вымазала лицо пурпурным соком тутовых ягод?»

Вот какие доводы я привел простодушному посланцу, с тем чтобы он представил их прежнему Юпитера.

— А с тех пор, о великая тень, к тебе уже не являлись посланцы?

— Нет, никто не являлся.

— Утешать в твоём отсутствии возложено там на трех поэтов: Коммодиона, Пруденция и Фортуната, рожденных в темную пору, когда не знали больше ни просодии, ни грамматики. Но скажи, о Мантуанец, ужели не получил ты больше никакой вести о Боге после того, как столь неосмотрительно отверг общение с ним?

— Если память не изменяет мне, никакой.

— А разве ты не сказал, что я не первый сошел живым в эти селения и предстал перед тобою?

— Ах да, ты напомнил мне... Вот уже полтора года лет (насколько могу судить, ибо трудно теням вести счет дней и годов), как глубокий покой мой был потревожен странным посещением. Бродя по берегам Стикса, осененным призрачно-бледной листвой, я вдруг увидел перед собой человеческий образ, более плотный и темный, чем обитатели этих мест; я догадался, что это — живой. Он был высокого роста, тощий, с орлиным носом, с острым подбородком, ввалившимися щеками; черные глаза его метали пламя; красный капюшон с надетым поверх него лавровым венком прикрывал впалые виски. У него проступали кости под узкой одеждой бурого цвета, доходившей ему до пят. Поклонившись мне с почтительностью, особенно заметной при какой-то мрачной гордости всего его облика, он обратился ко мне на языке, еще более неправильном и темном, чем у галлов, которыми божественный Юлий наводнил легионы и курию. Мне все же удалось понять, что он рожден близ Фезул, в этрусской колонии, основанной Суллою на берегу Арнуса и впоследствии достигшей процветания; что там он уже занимал почетные должности в городском управлении, но, когда между сенатом, всадниками и народом возникли кровавые распри, он со всем пылом вмешался в них и теперь, побежденный, высланный из родного города, влачил по свету долгие дни изгнания. Он рассказал мне об Италии, еще более жестоко раздираемой смутами и междоусобицами, чем во времена моей молодости, и вздыхающей о приходе нового Августа. Я пожалел его, памятуя о своих собственных тяжких испытаниях.

В нем чувствовалась страстность отважной души, ум его питал широкие замыслы, но, увы, грубым невежеством своим человек этот свидетельствовал о торжестве варварства. Он не знал ни поэзии, ни науки греков, ни даже их языка, и взгляды древних на происхождение мира

и природу богов были ему неизвестны. Он с важностью повторял басни, над которыми в Риме моего времени посмеялись бы даже самые маленькие дети, допускаемые бесплатно в баню. Чернь легко верит в существование разных чудовищ. В особенности этруски населили преисподнюю безобразными демонами, подобными горячечным видениям больного. Что этруски сохранили приверженность к детским своим вымыслам на протяжении стольких веков, можно объяснить длительными и со временем даже возросшими невежеством и нищетою; но чтобы одно из их должностных лиц, человек в умственном отношении выдающийся, разделял пустые народные верования и боялся отвратительных демонов, которых во времена Порсены местные жители изображали на стенах гробниц, – это может огорчить даже мудреца. Этруск прочел мне свои стихи, составленные на новом наречии, которое он называет народным языком, но смысла их я разобрать не мог. Мне показалось скорее странным, чем привлекательным, его обыкновение подчеркивать ритм, повторяя три-четыре раза через правильные промежутки одни и те же звуки. Такое ухищрение вовсе не кажется мне удачным, но не мертвым судить живых.

Впрочем, этому колону Суллы я ставлю в упрек не то, что, рожденный в злосчастные времена, он слагает неблагозвучные стихи, что он, если только это возможно, такой же плохой поэт, как Бавий и Мевий, – за ним есть другие провинности, которые больше задевают меня. Поистине чудовищно и почти невероятно! Этот человек, вернувшись на землю, распространил обо мне отвратительные измышления; он уверяет во многих местах дикой поэмы своей, будто я водил его по новому Тартару, которого я совершенно не знаю; он нагло возвестил повсюду, будто я считаю римских богов ложными и лживыми богами, а истинным богом зову нынешнего преемника Юпитера. Друг мой, когда ты снова увидишь сладостный свет солнца и вернешься к себе на родину, опровергни эти гнусные выдумки; убеди народ свой, что певец благочестивого Энея никогда не воскурял фимиама еврейскому Богу.

Меня уверяют, что могущество его клонится к упадку и что несомненные признаки позволяют предвидеть его скорое падение. Такие вести доставили бы мне некоторую радость, если бы можно было радоваться в этих местах, где не испытывают ни страха, ни желаний.

Так он сказал и, безмолвно простившись со мной, удалился. Я смотрел, как тень эта скользит по цветам асфodelей, не сгибая стеблей; видел, как она становится все меньше и туманней, по мере того как удаляется от меня; затем она совершенно исчезла, не достигнув вечнозеленой лавровой рощи. Тогда я понял смысл его слов: «Мертвые обладают только тем бытием, каким их наделяют живые», – и, ступая в задумчивости по бледной зелени лугов, я пошел ко вратам из рога.

Заверяю, что все здесь написанное – истинная правда¹⁷.

Глава VII

Знаки на Луне

Когда Пингвиния еще коснела во мраке невежества и варварства, Жиль Луазелье, францисканский монах, известный своими сочинениями под именем Эгидия Авкуписа, с неугаемым пылом изучал литературу и науки. Он посвящал свои ночные бдения математике и музыке, называя их двумя прелестными сестрами, гармоническими дочерьми Числа и Фанта-

¹⁷ Одно место в рассказе Марбоды весьма достойно внимания – именно то, где корриганский монах описывает Алигьери именно таким, как мы его себе представляем в настоящее время. На цветных миниатюрах одной из старейших рукописей «Божественной Комедии» – в «Codex venetianus» – поэт изображен в виде толстенького человечка в короткой тунике, вздернутой на животе. Что же касается Вергилия, то он еще на деревянных гравюрах XVI в. представлен с бородою, приличествующей философу. Равным образом невозможно допустить, чтобы Марбоду или даже Вергилию известны были этруские гробницы Кьюзи и Корнето, где действительно имеется стенная живопись со множеством страшных и нелепых изображений дьяволов, на которых очень похожи дьяволы Орканьи. Тем не менее подлинность «Сошествия Марбоды в преисподнюю» не вызывает никаких сомнений: г-н Дюкло де Люн убедительно доказал ее; усомниться в ней – значит усомниться в самой палеографии. – *Примеч. авт.*

зии. Он знал медицину и астрологию. Его подозревали в занятиях магией, и, кажется, он в самом деле производил превращения и умел находить спрятанное. Монахи его обители, обнаружив у него в келье греческие книги, читать которые были не в состоянии, решили, что это книги заклинаний, и донесли на своего слишком ученого брата, обвиняя его в колдовстве. Эгидий Авкупис бежал на остров Ирландию, где прожил тридцать лет, предаваясь ученым занятиям. Он посещал монастыри, разыскивая греческие и латинские рукописи, которые там хранились, и делал с них списки. Изучал он также физику и алхимию. Он достиг всеобщего знания и, в частности, раскрыл многие тайны животного, растительного и минерального мира. Однажды его застали запершимся наедине с женщиной совершенной красоты, которая пела, сопровождая себя на лютне, а потом оказалось, что это был механизм, собственноручно им сделанный.

Он часто переплывал Ирландское море, чтобы посетить монастырские книгохранилища Уэльса. Во время одной из таких поездок, стоя ночью на палубе, он увидел под водою двух осетров, плывших рядом с кораблем. Он обладал тонким слухом и знал язык рыб.

И вот он слышит, как один осетр говорит другому:

– Человек с вязанкой хвороста за плечами, которого издавна видели на луне, упал в море.

А другой осетр добавил:

– И теперь на серебряном диске увидят изображение двух влюбленных, целующих друг друга в губы.

Через несколько лет, вернувшись в свою родную страну, Эгидий Авкупис увидел, что там возродилась античная литература и что науки опять в почете. Нравы стали мягче; люди перестали преследовать нимф источников, лесов и гор своими оскорблениями. Они пристойно украшали сады статуями муз и граций и, как в древние времена, воздавали должные почести Усладительнице людей и богов, вкушающих амброзию с ее божественных уст. Помирившись с природой, они попирали ногами пустые страхи и глядели в небеса, не боясь прочесть в них, как прежде, знаки гнева и угрозы вечных мучений.

При виде сего Эгидий Авкупис вспомнил в душе своей то, о чем возвещали два осетра в Эринском море.

Книга четвертая Новое время Тринко

Глава I Рукениха

Эгидий Авкупис, пингвинский Эразм, не ошибся: наступило время свободного исследования. Но великий человек увидел смягчение нравов там, где проявлялось лишь щегольство гуманизмом, и не предвидел, к каким последствиям приведет пробуждение мысли у пингвинов. Оно повлекло за собой реформацию; католики стали истреблять протестантов, протестанты стали истреблять католиков – таковы были первые достижения свободной мысли. В Пингвинии одержали верх католики. Но, сами того не сознавая, они прониклись духом исследования; они стали примирять веру с разумом, стараясь очистить религию от позорящих ее суеверных обычаев, как впоследствии освобождали здания соборов от прилепившихся к ним лавчонок сапожников, перекупщиц и старьевщиков. Слово «легенда», первоначально означавшее то, что надлежит читать верующим, стало названием для всяких благочестивых рассказов и ребяческих сказок.

От такого состояния умов пришлось немало пострадать святым обоего пола. Например, некий каноник по имени Пренсто, весьма ученый, весьма строгий, весьма суровый, такое количество их объявил недостойным особого праздника, что его прозвали опустошителем церковных ниш. Он не признавал, что молитва св. Маргарите, приложенная в виде припарки к животу роженицы, облегчает родовые муки.

Заступница Пингвинии, столь чтимая святая, тоже не избежала его суровой критики. Вот что говорит он о ней в своих «Алькских древностях»:

«Чрезвычайно недостоверна история и даже самый факт существования св. Орброзы. Один старый анонимный составитель анналов, домбский монах, сообщает, что диавол овладел женщиной по имени Орброза в пещере, куда потом – еще и во времена самого анналиста – деревенские мальчишки и девчонки приходили играть в диавола и прекрасную Орброзу. Он добавляет, что женщина эта стала наложницей ужасного дракона, опустошавшего страну. Это совершенно невероятно, однако и в том виде, в каком история Орброзы излагалась впоследствии, она заслуживает не больше доверия.

Житие этой святой составлено аббатом Симплициссимусом спустя триста лет после того времени, когда якобы произошли описываемые события; автор проявляет чрезмерное легкое верие и полное отсутствие критического чутья».

Сверхъестественное происхождение пингвинов стало казаться сомнительным. Историк Овидий Капито решился даже отрицать их чудесное превращение. Свои «Анналы Пингвинии» он начинает так:

«Эти события окутаны мраком неизвестности, и не будет преувеличением сказать, что повествование в них соткано из ребяческих сказок и простонародных небылиц. Пингвины считают, что они будто бы произошли от птиц, окрещенных св. Маэлем и при посредстве этого славного проповедника обращенных Богом в людей. Они утверждают также, что, первоначально расположенный в Ледовитом океане, остров пингвинов стал плавучим, подобно Делосу, достиг морей, благословленных небом, и воцарился среди них. Я предполагаю, что в этом мифе отразились переселения пингвинов, происходившие в древние времена».

В следующее столетие, в век философов, скептицизм стал еще более разъедающим, – в подтверждение достаточно привести хотя бы знаменитый отрывок из «Опыта о нравственности»:

«Прибывшие неведомо откуда (ибо происхождение их далеко не ясно), подвергавшиеся одному вражескому нашествию за другим, последовательно покоряемые четырьмя или пятью народами юга, запада, востока и севера, скрестившись, смешав свою кровь, породнившись и слившись с ними, пингвины похваляются чистотой своей расы, и они правы, так как образовали действительно чистую расу. Из такого смешения племен – краснокожих, черных, желтых и белых, круглоголовых и длинноголовых – с течением веков образовалось довольно однородное человеческое семейство, обладающее некоторыми постоянными признаками, выработанными общностью жизни и нравов.

Мысль о том, что они принадлежат к прекраснейшей из всех рас на свете и составляют в ней прекраснейшее из семейств, внушает им благородную гордость, неукротимое мужество и ненависть ко всему человечеству.

Жизнь каждого народа – не что иное, как смена бедствий, преступлений и безумств. Это так же справедливо относительно пингвинов, как и относительно других народов. Тем не менее история пингвинов достойна восхищения от начала до конца».

Два классических века пингвинской истории слишком хорошо известны, чтобы здесь на них останавливаться; однако до сих пор обращалось недостаточно внимания на то, как теологи-рационалисты, вроде каноника Пренсто, породили неверующих следующего столетия. Руководствуясь своим разумом, они уничтожали в религии все, что представлялось им несущественным, оставляя незыблемыми лишь самые основы веры в узком смысле слова; их духовные наследники, привыкнув пользоваться помощью науки и разума, обратили то и другое против всего, что еще оставалось от верований; рационалистическое богословие породило натуральную философию.

Вот почему (если мне дозволено сделать переход от пингвинов былых времен к нынешнему верховному главе вселенской церкви) достойна высшего восхищения мудрость папы Пия X, воспретившего заниматься толкованием Священного Писания, ибо это противоречит божественному откровению, угрожает истинному богословию и губительно для веры. Если и найдутся монахи, готовые, вопреки запрету, поддерживать права науки, то ученость их пагубна и знания тлетворны; а если кто из верующих к ним примкнет, так это будет, клянусь, либо безмозглый дурак, либо какой-нибудь проклятый гугенот.

В конце века философов старый режим в Пингвинии был сокрушен, король предан смертной казни, дворянские привилегии уничтожены и, посреди смуты, под грозными ударами войны, была провозглашена республика. Собрание, управлявшее тогда Пингвинией, издало указ об изъятии у церкви всех металлических предметов для их переплавки. Патриоты оскверняли гробницы королей. Рассказывают, что, когда открыли гробницу Драко Великого, он лежал там весь как из черного дерева и такой величественный, что грабители в ужасе разбежались. Согласно же другим свидетельствам, они всунули ему в рот трубку и предложили в насмешку стаканчик вина.

На семнадцатый день месяца цветов рака св. Орброзы, пять веков простоявшая в церкви Св. Маэля и окруженная благоговейным почитанием народа, была перенесена в городскую ратушу и подвергнута исследованию экспертов, назначенных общиной; рака имела форму корабля из золоченой меди, была покрыта эмалью и украшена камнями – как обнаружилось, фальшивыми. Капитул предусмотрительно вынул все рубины, сапфиры и изумруды, а также большие шары горного хрусталя, заменив все это кусками стекла. Внутри только и было что немного пыли и какие-то тряпки, которые бросили в большой костер, разведенный на Гревской площади для предания огню всех священных реликвий. Народ плясал вокруг, распевая патриотические песни.

С порога своей лавки, примыкавшей к городской ратуше, Руken и Рукениха смотрели на этот беснующийся хоровод. Руken занимался стрижкой собак и холощением котов; он усердно посещал кабачки.

Рукениха чинила соломенные сиденья у стульев и промышляла сводничеством; она была женщина неглупая.

– Видишь, Руken? – сказала она мужу. – Они глумятся над святою. Раскаются они в этом!

– Ничего ты не смыслишь, жена, – отвечал Руken. – Они стали философами, а коли ты философ, так уж на всю жизнь.

– Говорю тебе, Руken, рано или поздно раскаются они в том, что нынче затеяли. Расправляются со святыми за то, что те мало им помогали; да ведь все равно никогда того не будет, чтобы жареные перепелки прямо в рот им попадали; останутся они такими же нищими, как прежде, а кончат бесноваться, опять Богу молиться начнут. Придет день, – да раньше, чем можно подумать, – и наша Пингвиния снова станет почитать свою заступницу благодатную... Послушай, Руken, а не худо бы нам на этот случай припрятать у себя где-нибудь в старом горшке щепотку пепла да несколько костей и тряпок. Скажем, что это мощи святой Орбозы, что мы их, рискуя жизнью, из огня вытащили. За такое дельце мы на старости лет от господина священника еще разрешение получим торговать церковными свечами и давать напрокат стулья в часовне Святой Орбозы.

Сказано – сделано: Рукениха выгребла из своего очага немного пепла и, положив его вместе с несколькими обглоданными костями в старый горшок из-под варенья, поставила все это на шкаф.

Глава II

Тринко

Самодержавный народ, отобрав землю у дворянства и духовенства, стал продавать ее по дешевке буржуа и крестьянам. Буржуи и крестьяне рассудили, что революция удобна для приобретения земли, но неудобна для дальнейшего ее сохранения.

Республиканские законодатели издали грозные законы в защиту собственности и эдикты, карающие смертью за призыв к разделу богатства. Но это не помогло республике. Крестьяне, став собственниками, увидели, что она, обогатив их, подорвала право собственности, и стали желать другого режима, более благоприятного для собственников и более способного упрочить новые установления.

Ждать им пришлось недолго. Республика, подобно Агриппине, вынашивала в чреве своего собственного убийцу. Вынужденная вести большие войны, она создала военные силы, которым предстояло спасти ее – и уничтожить.

Республиканские законодатели рассчитывали сдерживать генералов угрозой наказаний. Но если иногда они и рубили головы военным, терпевшим поражения, то не могли так поступать с военными, одерживавшими победы и приобретавшими влияние как спасители республики.

Воодушевленные бранною славой, воспрянувшие пингвины отдались во власть дракону, еще более ужасному, чем дракон из баснословных преданий, и он в течение четырнадцати лет, подобно аисту, призванному на царство лягушками, пожирал их своим ненасытным клювом.

Через полвека после правления нового дракона один молодой малайский махараджа по имени Джамби, совершая, подобно скифу Анахарсису, образовательное путешествие, посетил Пингвинию и составил любопытное описание этой страны, первую страницу которого мы здесь приводим.

ПУТЕШЕСТВИЕ МОЛОДОГО ДЖАМБИ ПО ПИНГВИНИИ

После девяностодневного плавания по морю я высадился в обширном и пустынном порту войнолюбивых пингвинов и по невозделанным землям добрался наконец до столицы, лежащей в развалинах. Опоясанная валами, полная казарм и арсеналов, она являла вид воинственный, но разоренный.

На улицах всякие рахитичные калеки, гордо таскавшие на себе лохмотья военных мундиров, бряцали ржавым оружием.

– Что вам здесь надо? – грубо окликнул меня у городских ворот какой-то солдат с грозно торчащими в небо усами.

– Сударь, – отвечал я ему, – я приехал сюда из любознательности – осмотреть остров.

– Это не остров, – поправил меня солдат.

– Как! – воскликнул я. – Остров пингвинов – оказывается, не остров?!

– Нет, сударь, – это инсула¹⁸. Прежде его действительно называли островом, но вот уже сто лет, как он, согласно декрету, именуется инсулой. Это единственная инсула во всем мире. Паспорт у вас есть?

– Вот он!

– Ступайте завизитуйте его в министерстве иностранных дел.

Хромой провожатый, посланный со мною, остановился на большой площади.

– Наша инсула, как вам известно, – сказал он, – родина величайшего гения в мире – Тринко, статуя которого здесь, перед вами; обелиск, направо от вас, воздвигнут в память рождения Тринко; колонна, налево, увенчана фигурой Тринко с диадемой. А там, дальше, – триумфальная арка в честь Тринко и его семьи.

– Что же он совершил столь необыкновенного, этот Тринко? – спросил я.

– Он вел войны.

– Но в войнах нет ничего необыкновенного. Мы, малайцы, постоянно воюем.

– Возможно, но Тринко – величайший воитель всех времен и народов. Равного ему завоевателя нет и никогда не было. Входя в наш порт, вы, конечно, видели на востоке конусообразный вулканический остров Ампелофор, небольшого размера, но прославленный своими винами; а на западе – остров более обширный, который возносит к небесам ряд острых зубьев, почему и зовется Собачьей Челюстью. Он богат медной рудой. До прихода Тринко к власти оба эти острова принадлежали нам, и здесь кончались наши владения. Тринко распространил владычество пингвинов на Бирюзовый архипелаг и Зеленый континент, покорил сумрачную Дельфинию, водрузил свои знамена среди полярных льдов и в раскаленных песках африканской пустыни. Он вербовал войска во всех завоеванных странах, и на смотрах вслед за частями нашей войнолюбивой пехоты и островными гренадерами, гусарами, драгунами, артиллеристами, вслед за нашими обозниками двигались желтолицые воины в синих доспехах, подобные вставшим на свой хвост ракам; краснокожие, с перьями попугая на голове, татуированные знаками солнца и плодородия, с позвякивающими колчанами за спиной, полными отравленных стрел; чернокожие, совершенно голые, вооруженные только своими зубами и ногтями; пигмеи верхом на журавлях; гориллы, опирающиеся на дубину из цельного древесного ствола, предводительствуемые старым самцом с крестом Почетного легиона на волосатой груди. И все эти войска в порыве пламенного патриотизма устремлялись под знаменами Тринко от победы к победе. В течение тридцати лет Тринко завоевал половину известного нам мира.

– Как! – воскликнул я. – Вы владеете половиной мира?!

---

¹⁸ Инсула (*insula*) – остров (*лат.*).

– Тринко завоевал ее – и потерял. Равно великий в своих поражениях, как и в победах, он отдал все, что было им завоевано. Он вынужден был отдать даже те два острова, которые раньше принадлежали нам, – Ампелофор и Собачью Челюсть. Он оставил после себя Пингвинию обнищавшей и обезлюдившей. Цвет нашего народа погиб во время этих войн. После его падения в нашем отечестве остались только горбатые да хромые, от которых мы и происходим. Зато он принес нам славу.

– Дорого же вам досталась эта слава!

– За славу сколько ни заплати – все будет не дорого! – ответил мой проводник.

Глава III

Путешествие доктора Обнюбия

После целого ряда неслыханных превратностей судьбы, большею частью не оставивших по себе даже памяти из-за разрушительного действия времени и плохого стиля историков, в Пингвинии был установлен государственный строй, основанный на принципе самоуправления. Пингвины избрали Собрание, или Ассамблею, и облекли ее правом назначать главу государства. Этот последний, избираемый из среды простых пингвинов, не носил на голове страшного гребня чудовища и не пользовался неограниченной властью. Он сам был подчинен законам своей страны. Ему не был присвоен королевский сан. При его имени не ставилось порядковое числительное. Он звался либо Патурлий, либо Жанвион, Труфальдин, Коканцо, Бредуй и т. п. Такие правители не вели войн. У них не было для этого подходящих одеяний.

При новом строе государство получило название республики, что означает «общественное дело». Сторонники ее получили наименование республиканистов или республиканцев. Их называли также республикашками, а то и сволочью, – последнее, впрочем, считалось слишком грубым.

Пингвинская демократия не была независима, – она повиновалась финансовой олигархии, которая создавала общественное мнение при помощи газет и держала в своих руках депутатов, министров и президента. Она бесконтрольно распоряжалась финансами республики и направляла внешнюю политику страны.

Каждая империя, каждое королевство содержали тогда огромную армию и флот; вынужденная ради своей безопасности подражать им в этом, Пингвиния изнемогала под тяжестью военных расходов. Все сетовали, искренне или притворно, на столь суровую необходимость; однако богатые люди, торговцы и дельцы, охотно подчинялись ей – из патриотизма, а также в расчете на то, что солдаты и моряки защитят их собственность и приобретут для них за пределами страны новые рынки и территории; крупные промышленники стояли за производство пушек и кораблей, движимые рьяным желанием защищать государство и получать все новые заказы. Из граждан среднего достатка и людей свободных профессий одни безропотно подчинялись такому порядку вещей, считая его незыблемым, другие с нетерпением ждали перемен и надеялись добиться от властей одновременного всеобщего разоружения.

К последним принадлежал и знаменитый профессор Обнюбель.

– Война – варварство, которое исчезнет с развитием цивилизации, – говорил он. – Великие демократические государства миролюбивы, и с этим духом скоро вынуждены будут считаться даже самодержавные правители.

Профессор Обнюбель после шестидесяти лет уединенной и замкнутой жизни у себя в лаборатории, куда не проникал извне никакой шум, решил самолично познакомиться с духом народов. Выбрав для начала своих изысканий самое обширное из демократических государств, он поплыл в Новую Атлантиду.

После двухнедельного плавания пакетбот его вошел ночью в залив Титанпорта, где стояли на якоре тысячи кораблей. Железный мост, переброшенный над водою, весь залитый

огнями, соединял две набережные, до такой степени удаленные одна от другой, что профессору Обнюбилю показалось, будто он плавает по морям Сатурна и видит перед собой чудесное кольцо, опоясывающее планету Старца. По этому огромному мосту переправлялось более четверти всех богатств мира. Сойдя на берег, ученый пингвин остановился в сорокавосьмиэтажном отеле, где его обслуживали автоматы; затем по большой железнодорожной магистрали он отправился в Гигантополис, столицу Новой Атлантиды. В поезде были рестораны, игорные залы, стадионы, телеграфное бюро для передачи торговых и финансовых извещений, евангелическая часовня и типография большой газеты, которую ученый доктор не мог читать, не зная языка Новой Атлантиды. Проходя вдоль больших рек, поезд встречал на своем пути промышленные города, затемнявшие небо дымом своих труб, – города, черные днем, города, красные ночью, полные рокота при свете солнца и полные рокота в ночной тьме.

«Вот народ, слишком занятый промышленностью и торговлей, чтобы вести войны, – думал ученый. – Теперь-то я уже уверен, что новые атланты следуют миролюбивой политике. Ибо аксиома, принятая всеми экономистами, гласит, что мир с другими государствами и мир внутри государства необходим для развития торговли и промышленности».

Осматривая Гигантополис, он утвердился в этой мысли. Люди мчались по улицам с такою быстротой, что опрокидывали все на своем пути. Обнюбиль, неоднократно сбитый с ног, извлек из этого пользу, поняв, как себя вести: к концу часовой прогулки он сам сшиб какого-то атланта.

Выйдя на большую площадь, он очутился перед портиком дворца в классическом стиле, возносившего свои коринфские колонны с большими акантовыми капителями на семьдесят метров над пьедесталом.

Когда он стоял в восхищении, запрокинув голову, к нему подошел какой-то скромный с виду человек и заговорил с ним по-пингвински:

– Вижу по вашей одежде, что вы из Пингвинии. Я владею вашим языком: я присяжный переводчик. Перед вами – Дворец парламента. В данный момент идут прения. Не угодно ли послушать?

Заняв место на трибуне, доктор устремил взор на множество законодателей, сидевших в плетеных креслах, положив ноги на пюпитры.

Встал председатель и невнятно начал бормотать, посреди всеобщего невнимания, тексты постановлений, которые тотчас же переводил ученому его спутник:

– Ввиду благоприятного для Штатов окончания войны за монгольские рынки предлагаю представить список военных расходов в финансовую комиссию...

Кто против?

Предложение принято.

Ввиду благоприятного для Штатов окончания войны за рынки в Третьей Зеландии предлагаю представить список военных расходов в финансовую комиссию...

Кто против?

Предложение принято.

– Не ослышался ли я? – спросил доктор Обнюбиль. – Как! Вы, вы, промышленный народ, ввязались во все эти войны?!

– Конечно, – отвечал переводчик. – Ведь это промышленные войны. Народы, не имеющие развитой торговли и промышленности, не нуждаются в войнах; но деловой народ вынужден вести завоевательную политику. Число наших войн неизбежно возрастает вместе с нашей производственной деятельностью. Как только та или иная отрасль нашей промышленности не находит сбыта для своей продукции, возникает надобность в войне, чтобы получить для него новые возможности. Вот почему в этом году у нас была угольная война, медная война, хлопчатобумажная война. В Третьей Зеландии мы перебили две трети жителей, чтобы принудить остальных покупать у нас зонтики и подтяжки.

В это время какой-то толстяк, восседавший в центре собрания, поднялся на трибуну.

– Я требую, – сказал он, – объявления войны правительству Изумрудной республики, которая на всех рынках мира нагло оспаривает у наших свиней гегемонию на окорока и колбасы.

– Кто такой этот законодатель? – спросил доктор Обнубиль.

– Это свиноторговец.

– Возражений нет? – спросил председатель. – Ставлю на голосование.

Предложение объявить войну Изумрудной республике было проголосовано поднятием рук и принято весьма значительным большинством.

– Как! – сказал переводчику Обнубиль. – Вы приняли постановление о войне с такой поспешностью и безразличием?

– О, это война небольшая; она обойдется всего-навсего в каких-нибудь восемь миллионов долларов.

– А люди?..

– Цена людей входит в эти восемь миллионов.

Тут доктор Обнубиль, сжав голову руками, с горечью подумал:

«Если богатство и цивилизация несут с собою столько же поводов к войнам, как бедность и варварство, если безумие и злоба человеческие неизлечимы, то остается сделать только одно доброе дело. Мудрец должен запастись динамитом, чтобы взорвать эту планету. Когда она разлетится на куски в пространстве, мир неприметно улучшится и удовлетворена будет мировая совесть, каковая, впрочем, не существует».

Книга пятая

Новое время Шатийон

Глава I

Преподобные отцы Агарик и Корнемюз

Всякий государственный строй порождает недовольных. Республика (или «общественное дело») создала их прежде всего среди дворянства, лишенного старинных привилегий и теперь с тоской и надеждой обращавшего взоры на последнего из Драконидов, принца Крюшо, который привлекал к себе сердца юношескою красотой и печальной участью изгнанника. Республика вызвала недовольство и среди мелких торговцев, которые по целому ряду глубоких экономических причин лишились прежнего достатка и ставили это в вину республике, с каждым днем все больше отчуждаясь от нее и забывая бывшее преклонение перед нею.

Финансисты, как евреи, так и христиане, из-за своей наглости и жадности становились бичом страны, которую они грабили и унижали, и позором для государственного строя, который они не собирались ни свергать, ни поддерживать, уверенные, что могут беспрепятственно действовать при любом правлении. Однако больше всего они желали бы установления самой неограниченной власти, как лучше всего вооруженной против социалистов, их худосочных, но пылких противников. И как они подражали аристократам в образе жизни, так подражали им и в политических и религиозных симпатиях. Особенно жены их, пустые и легкомысленные, любили принца, мечтая быть допущенными ко двору.

Между тем у республики все же оставались сторонники и защитники. Если она не могла положиться на верность своих чиновников, то могла рассчитывать на преданность простых рабочих, которые, хотя и не получили от нее облегчения своей участи, но, выступая на ее защиту в дни опасности, валили толпами из каменоломен и эргастул и шли медленно, изможденные, черные, мрачные. Они все готовы были умереть за нее: она подарила им надежду.

Так вот, в правление Теодора Формоза жил в тихом предместье города Альки один монах по имени Агарик, занимавшийся обучением детей и устройством браков. В своей школе он преподавал основы благочестия, фехтования и верховой езды юным отпрыскам старинных и знатных семейств, утративших как привилегии свои, так и богатство. А когда ученики подрастали, он женил их на молодых девицах из богатой и презираемой касты финансистов.

Высокий, тощий, черный, Агарик все время расхаживал с молитвенником в руке по школьным коридорам и по дорожкам огорода, погруженный в размышления и озабоченный. Он не ограничивал своей деятельности тем, что вдалбливал ученикам начала темных доктрин и механические правила, а затем обеспечивал их богатыми законными супругами. У него были политические замыслы, он стремился осуществить грандиозный план. Заветной мечтой, делом жизни было для него свалить республику. Одушевлял его при этом не личный интерес. Он считал, что демократическое правление враждебно святому сообществу, к которому он принадлежал телом и душой. И все братья его монахи держались того же мнения. Республика непрерывно враждовала с монашеской конгрегацией и собранием верующих. Конечно, свержение нового режима – предприятие трудное и опасное. Однако Агарiku удалось организовать заговор, угрожавший республике. В ту пору монахи руководили высшими кастами пингвинов, и этот инок оказывал глубокое влияние на аристократию Альки.

Воспитанная им молодежь только и ждала случая выступить против народной власти. Потомки старинных родов не занимались искусствами и ремеслами. Почти все они были воен-

ными и служили республике. Служили ей, но не любили ее: с тоской вспоминали они о гребне Дракона. И красивые еврейки разделяли их тоску, чтобы сойти за родовитых христианок.

Однажды, июльским днем, проходя по улице предместья, ведущей в пыльные поля, Агарик услышал какие-то жалобные стоны, доносившиеся из замшелого колодца, уже заброшенного садовниками. И он тут же узнал от тамошнего сапожника, что какой-то плохо одетый человек крикнул: «Да здравствует республика», – а за это проезжие кавалерийские офицеры бросили его в колодец, где он теперь с головою ушел в ил. Агарик любил обобщать частные случаи. Из потопления этого республикашки он умозаключил, сколь сильно возросло брожение всей аристократической и военной касты, и решил, что настало время действовать.

На следующее утро он пошел в самую чащу Конильского леса навестить добрейшего отца Корнемюз. Он застал монаха в уголке его лаборатории за перегонкою золотистого ликера.

Это был толстенький, низенький человечек с румяными щечками и гладко отполированной лысиной. Глаза у него были рубиново-красные, как у морских свинок. Он любезно встретил посетителя и предложил ему стаканчик ликера св. Орброзы, который он делал на продажу, что доставляло ему огромные богатства.

Агарик движением руки отказался. Все еще стоя и прижимая к животу свою унылого вида шляпу, он продолжал хранить молчание.

– Сделайте одолжение, присядьте, – сказал Корнемюз.

Агарик сел на колченогую табуретку и продолжал молчать.

Тогда конильский монах обратился к нему со словами:

– Расскажите мне, пожалуйста, о своих юных учениках. Придерживаются ли детки благонамеренного образа мыслей?

– Я очень ими доволен, – отвечал учитель. – Самое главное в воспитании – это основы. Надо придерживаться благонамеренного образа мыслей еще прежде, чем начать мыслить. Ибо потом уже слишком поздно... Вокруг себя я вижу немало утешительного. Но живем мы в печальное время.

– Увы! – вздохнул Корнемюз.

– Мы переживаем тяжкие дни.

– Годину испытаний.

– И все-таки, Корнемюз, общественный дух не так уж безнадежно плох, как кажется.

– Возможно.

– Народу надоело правительство, которое его разоряет и ничего для него не делает. Каждый день разражаются шумные скандалы. Республика погрязла в позоре. Она погибла.

– Да услышит вас Бог!

– Скажите, Корнемюз, какого мнения вы о принце Крюшо?

– Это милый молодой человек и, смею утверждать, достойный отпрыск монаршего рода. Жаль, что в столь нежном возрасте ему приходится претерпевать горечь изгнания! Изгнаннику весна не дарит цветов, осень не дарит плодов. Принц Крюшо весьма благонамерен: он уважает священнослужителей, соблюдает обряды нашей религии, употребляет в большом количестве продукт моего скромного производства.

– Во многих домах, богатых и бедных, ждут не дождутся его возвращения, Корнемюз. Верьте мне, он вернется.

– Только бы мне дожить до того дня, когда я постелю свою монашескую мантию ему под ноги! – со вздохом сказал Корнемюз.

Видя, каковы его чувства, Агарик обрисовал ему состояние умов, опираясь на собственные представления. Он рассказал, что дворяне и богатые люди до крайности раздражены против народной власти, что армия не желает сносить новые обиды, что чиновники готовы на предательство, что народ недоволен, что уже слышится гул близкого восстания и что всех нена-

вистников монашества, всех пособников власти сбрасывают на Альке в колодцы. В заключение он объявил, что наступил момент для решительного удара.

– Мы можем спасти пингвинский народ, – воскликнул он, – можем освободить его от тиранов, от самого себя, восстановить гребень Дракона, возродить доброе старое правление во славу веры нашей и к вящему величию церкви. Мы можем совершить все это, если захотим. У нас огромные богатства, мы пользуемся тайным влиянием: через наши газеты, зовущие в крестовый поход и грозящие врагам, мы связаны со всем духовенством городов и селений; мы вдохнем в него наполняющий нас энтузиазм, пламенеющую в нас веру. А от них воспламенятся сердца и у паствы. Я могу опереться на высших руководителей армии, у меня есть связи в народе, я руковожу, незаметно для них самих, продавцами зонтов, виноторговцами, приказчиками галантерейных лавок, уличными газетчиками, жрицами любви, полицейскими. Людей у нас больше, чем требуется. Чего же мы ждем? Пора действовать!

– А что вы намерены предпринять? – спросил Корнемюз.

– Широко развернуть заговор, свергнуть республику, восстановить Крюшо на троне Драконидов.

Корнемюз несколько раз провел языком по губам. Потом промолвил елеинным голосом:

– Реставрация Драконидов, разумеется, желательна, чрезвычайно желательна; и я, со своей стороны, желаю ее всем сердцем. Но вот насчет республики... Вы знаете, как я на нее смотрю... Только не лучше ли предоставить ее своей участи и дать ей погибнуть от собственных пороков? Конечно, то, что вы предлагаете, дорогой мой Агарик, благородно и великодушно. Было бы так прекрасно спасти эту великую и несчастную страну, восстановить ее былую славу. Но помните: мы ведь прежде всего христиане, а потом уже пингвины. Нам надлежит проявлять осмотрительность, не впутывая религию в политическую борьбу.

– Не бойтесь, – поспешно ответил Агарик, – у нас в руках будут все нити заговора, но мы сами останемся в тени. Мы будем совсем незаметны.

– Как мухи в молоке, – пробормотал себе под нос конильский монах. И, обратив на приятеля лукавые рубиновые глаза, сказал: – Будьте осторожны, друг мой. Республика, быть может, сильнее, чем кажется. Возможно также, что мы еще укрепим ее, если выведем из состояния вялого покоя, в которое она сейчас погружена. Она очень коварна, – если мы нападём, она будет защищаться. Сейчас она издает дурные законы, которые нас нисколько не затрагивают. А испугавшись, начнет издавать грозные законы против нас. Не будем легкомысленно вовлекаться в авантюру, а то как бы нас не потрепали. По-вашему, обстоятельства нам благоприятствуют? Я другого мнения, и сейчас скажу почему. Что такое нынешний режим, знают еще не все, – вернее, не знает никто. Он объявляет себя «общественным делом», «общим делом». Простонародье этому верит и до поры до времени привержено демократии, республике. Но подождите! Тот же самый народ в один прекрасный день потребует, чтобы общественное дело стало действительно народным делом. Излишне говорить, до какой степени подобные требования представляются мне наглыми, разнузданными, враждебными политике, основанной на Священном Писании. Но народ их выдвинет, будет добиваться их осуществления – и тогда конец нынешнему режиму. Такой момент не замедлит наступить. Вот тогда-то нам и нужно действовать в интересах нашей высокой корпорации. Подождем! Зачем спешить? Нашему существованию ничто не угрожает. Его нельзя считать невыносимым. Республика не оказывает нам уважения и покорности. Она не воздает священникам должного почета. Но все же она дает нам жить. И таково превосходное свойство нашего сана, что жить для нас значит процветать. Общественное дело нам враждебно, но женщины чтят нас. Президент Формоз не бывает в церкви, но жена его и дочери склонялись к моим ногам. Они закупают мои бутылки оптом. У меня нет лучших покупательниц даже среди аристократии. Признаемся откровенно: для священников и монахов не сравнится с Пингвинией ни одна страна в мире. Где еще нашли бы мы возможность сбывать в таком количестве и по таким высоким ценам наш нетопленный воск, наш индийский

ладан, наши четки, наши нарамники, нашу святую воду и наш ликер святой Орбразы? Какой еще другой народ, кроме пингвинов, платил бы сотню золотых за один взмах нашей руки, за один звук нашего голоса, за одно движение уст наших? Что касается, например, меня, то здесь, в этой кроткой, преданной и послушной Пингвинии, я на извлечении эссенции из пучка богородичной травки зарабатываю в тысячу раз больше, чем заработал бы тем, что сорок лет подряд надсаживал бы себе грудь, призывая ходить к исповеди, в любом из самых населенных государств Европы и Америки. И, по правде сказать, станет ли Пингвиния счастливее оттого, что полицейский комиссар вытащит меня отсюда и поведет на паровое судно, отплывающее к Полночным островам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.